

фантастическая
история

Андрей Захаров
Перекресток времен.
Бородатые боги

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Перекрёсток времён

Андрей Захаров

**Перекрёсток времён.
Бородатые боги**

«АЛЬФА-КНИГА»

2014

Захаров А. Н.

Перекрёсток времён. Бородатые боги / А. Н. Захаров —
«АЛЬФА-КНИГА», 2014 — (Перекрёсток времён)

Как гласит народная мудрость: ничто не кончено для того, кто жив...
Наши современники, попав вместе с красноармейцами из 1941 года и
белогвардейцами из 1919 года в Южную Америку шестнадцатого века, в
эпоху развала империи инков и завоевания ее испанскими конкистадорами,
не пали духом, а решили перестроить новый мир под себя. Они помогают
дружественному племени отбить нападение дикарей-людоедов, занимаются
прогрессорством, узнают тайну древней крепости, участвуют в междоусобной
войне претендентов на трон империи инков; осваивают окружающие их
горы и тропические леса Амазонии; находят любовь и теряют друзей. При
этом делают главный вывод: во все времена, где бы ты ни был, надо всегда
оставаться Человеком.

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	33
Глава 4	55
Глава 5	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Андрей Захаров

Перекрёсток времён. Бородатые боги

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Ама суа, ама льюля, ама челья.

(Не воруй, не лги, не ленись.)

Принцип этики и морали инков

Предисловие

Думал ли в августе 2010 года бывший подполковник украинских аэромобильных войск, а ныне военный пенсионер и директор магазинчика «Охота и рыбалка» Николай Антоненко, отправляясь из Киева на рыбалку с друзьями – Олегом Уваровым, сослуживцем по Афгану, Янисом Баюлисом, врачом-хирургом, и сыном Максимом, девятнадцатилетним студентом, живущим с матерью в Испании, а сейчас приехавшим к отцу на каникулы, – о том, что они попадут в такой переплет? Конечно нет!

Встретили на берегах таинственного озера в Чернобыльской зоне отчуждения компанию таких же отдыхающих, среди которых оказался его бывший подчиненный Алексей Нечипоренко, и всем им довелось пережить природный катаклизм, в результате которого наши современники из Припятских лесов перенеслись в горы Южной Америки. Еще большим изумлением стала неожиданная встреча с красноармейцами под командой подполковника Климовича, попавшими в окружение под Киевом в 1941 году, и отрядом белогвардейцев из 1919 года, руководимым капитаном Невзоровым и ротмистром Новицким.

Испытания, выпавшие на их долю, заставили всех объединиться и начать новую жизнь. На берегу горного озера обнаружили древний город. Назвали его Новоросском, а себя – новороссами.

В ходе обследования окружающей местности путешественники во времени познакомились с народом уаминка, для которого долина, где расположен древний город, является священной. Самих же попаданцев аборигены приняли за детей своих богов. При дальнейшем знакомстве удалось установить, что они перенеслись в шестнадцатый век, в эпоху развала империи инков и завоевания ее испанскими конкистадорами.

Местный вождь Синчи Пума пригласил Николая Антоненко с двумя бойцами к себе в гости. Надо же его народу увидеть «белых богов» наяву!

Как гласит народная мудрость: ничто не кончено для того, кто жив...

Глава 1

За время, что Антоненко провел в гостях у Синчи Пума, он чувствовал себя, как в поговорке: словно сыр в масле катался. Уже свыкся с ролью белого бога! Они втроем смотрели на местный люд только свысока. Даже немного зажрались.

Он, Аксенов и Роговой были гораздо выше и крупнее всех местных жителей. Самым высоким из уаминка оказался вождь Синчи Пума, но и тот был только по плечо Николаю!

За время похода от водопада до главной крепости народа уаминка Николай с помощью Рогового сумел наладить контакт с вождем.

К удивлению Антоненко, Василий Роговой оказался всесторонне развитым парнем и имел склонность к языкам. Как пояснил моряк, до войны он ходил на сухогрузе по Средиземному морю, и ему приходилось общаться с разными народами. Даже был переводчиком для всей команды. К тому же Роговой имел идеальный слух и быстро соображал. Умел играть на гармонии, которую постоянно таскал с собой вместе с ручным пулеметом Дегтярева и запасными дисками к нему. Для двухметрового молодого парня эти тяжести были словно пушинка. Из-за своих заморских путешествий он и пострадал. Кто-то написал донос в НКВД, и Васю Рогового списали «на землю». А когда пришла война, его призвали на службу, определив мотористом на катер Пинской флотилии.

Наладить контакт с местными Николаю помогло также и зелье Баюлиса.

Во время перехода Антоненко, как змей-искуситель, зная по прошлой жизни слабость туземцев к спиртному, просто споил вождя уаминка. После этого Синчи Пума стал его лучшим другом. Еще больше Николай сдружился с местным народом, когда в их честь в главном городке крепости под названием Уаман-канча – Гнездо сокола – устроили пир.

Уаман-канча располагался на вершине горного хребта. Тот, кто его построил, хорошо разбирался в военном деле. Крепость господствовала над двумя долинами, разделенными этим хребтом, и закрывала проход, ведущий к Серебряному ручью и дальше, к водопаду предков в Священной долине богов.

Крепостные стены были сложены из крупных каменных блоков, но размером меньше, чем стены Новоросска. Их высота с пологой стороны составляла почти десять метров. Эти стены одновременно являлись и террасами. Таким образом древний архитектор выровнял поверхность для строительства домов внутри оборонительного сооружения и решил проблему с защитой. За кладкой, выложенной из подогнанных друг другу и обтесанных каменных блоков, просто была навалена земля и камни помельче. Так что обрушить такую стену было практически невозможно. Наверх в город вело три прохода с воротами. Каждый – шириной чуть более трех метров. Встроены они были в стену. Подъем осуществлялся по вырезанным ступенькам. Получалось, путник, чтобы проникнуть в город, должен был подняться через узкий туннель, в конце которого стояла стража. В центре крепости возвышалось дополнительное оборонительное сооружение – цитадель. Высота ее стен – около семи метров, и взобраться на нее можно по двум ходам, подобным описанным выше. Здесь жили вождь, знать и жрецы города. Вся территория внутри стен была застроена жилыми домами, похожими на маленькие башни, широкие у основания и сужающиеся кверху. Возводились они из камня, высота стен достигала пяти метров. Поэтому дома казались двухэтажными. Крыша в форме конуса крылась деревом и соломой. Дома стояли вплотную друг к другу. Из-за неровности рельефа они строились на нивелировочной платформе, такой же круглой в плане. Зайти на нее можно было с улочки, шедшей по верхнему уровню, а чтобы попасть внутрь дома, нужно было пройти по карнизу из плоских камней. Вход в здание был сориентирован так, что смотрел на постройки, стоящие внизу. В центре цитадели находился небольшой бассейн с источником воды, которая

по водоводам спускалась во все части города. На окраине города возвышался Большой Храм – каменная башня в виде усеченного конуса с основанием шире, чем вершина.

Когда новороссы только поднялись в город, они застыли в изумлении. Почти у каждого входа в дом на стене висели высушенные человеческие головы! Как потом выяснилось, количество голов свидетельствовало о доблести и славе хозяина. Головы врагов являлись ценными трофеями. После их отрубания кости черепа разбивались и вынимались. Затем пустую кожу наполняли горячим песком, голова сморщивалась и становилась не больше кошачьей, но форма оставалась прежней, и черты лица сохранялись.

У входа в дом вождя Николай насчитал не меньше четырех десятков таких голов. «Могучий дедок! Столько врагов лично замочил!» – восхитился Антоненко.

Гостей также удивило и большое количество женщин с детьми. Если те женщины, кто был постарше и замужем, занимались своим домашним хозяйством, то молоденькие девушки так и крутились возле пришедших. Было заметно, что у уаминка женщины свободны и не так зажаты разными запретами, как мусульманки.

В отличие от мужчин женщины-уаминка носили длинные туники, прихваченные на талии поясом, довольно похожие на греческие; они свисали до земли, но по бокам были разрезы, через которые при ходьбе видны ноги. В сущности, это была ткань в форме прямоугольника, обернутая вокруг тела и закрывавшая грудь, а ее концы закреплялись на плечах булавками. На талии ее держал широкий пояс, украшенный узорами или квадратиками. Поверх туники женщины надевали зеленую накидку, застегивавшуюся на груди с помощью большой декоративной булавки. Накидка свисала сзади до уровня икр. Как и мужчины, женщины носили простые кожаные сандалии, завязывающиеся на лодыжках.

Внешне женщины-уаминка были очень похожи на славянок. Все с почти белой кожей, голубыми глазами и белокурыми, рыжими или светло-каштановыми волосами, заплетенными в косы. Если уаминка была не замужем, то она носила две свободных косы, куда вплетала разноцветные помпоны огромных размеров. У замужних косы подвязаны снизу на затылке и помпончики были поменьше.

Их головы, так же как и головы воинов, венчали переплетенные шерстяные разноцветные повязки, но без вставленных ярких перьев. У каждой в ушах висели золотые серьги с кисточками. Кроме того, золотом были украшены и головные повязки. На шее у многих женщин имелись различной толщины цепочки из золота или серебра. Они носили также и ручные браслеты, изготовленные из этих металлов.

– Богато живут! – присвистнул Роговой. – Только арабы своих женщин так золотишком балуют. Значит, здесь золото и серебро ничего не стоят, раз все бабы в них свободно разгуливают!

Во время пира в честь прибытия виракочей местные предложили гостям свое кукурузное пиво – чичу, надеясь их спить, но для наших оно оказалось довольно слабым. И получилось наоборот. В большой медный чан с пивом, наполовину выпитым гостями и племенной верхушкой, Антоненко предложил добавить свой напиток. На что полупьяные вождь и его командиры с удовольствием согласились. Недолго думая Николай вылил туда всю настойку Баюлиса. По приказу вождя женщины добавили в чан еще местного пива и размешали. Пир затянулся до самого утра. Хотя они и разговаривали на разных языках, но полностью понимали друг друга. Воины племени показывали гостям свое искусство владения оружием, женщины угощали всеми яствами, которыми располагало племя.

Небольшое недоразумение случилось с Аксеновым. Увидев, что его окружает такое количество молодых и красивых женщин, парень не выдержал и стал к ним приставать. Девушки смеялись и шутя отбивались от «белого бога», хотя по их виду было заметно, что это приставание доставляет им удовольствие. Женщин много, а мужчин мало, кому не хочется хоть немного ласки!

Подтянув к себе подчиненного, Николай прошептал ему на ухо:

– Семен, угомонись! Сексуальный маньяк... Нельзя нам сейчас с ними из-за баб ссориться. О наших в лагере подумай. Да и говорят, что сифилис к нам из Южной Америки занесли!

– Николай Тимофеевич! Да мочи уж нету... Тут такая краса – на всех наших с лихвой хватит. А болезней я не боюсь – доктор вылечит!

К удивлению Антоненко и Аксенова, вождь Синчи Пума, увидев это, предложил Аксену любую из незамужних девушек, но с одним условием: он женится на всех, кого выберет. От такой новости Аксенов сразу протрезвел. Одно дело – гулять, другое – жениться. Гуляешь один день, а женишься на всю жизнь, ответственности больше.

Но под пиво с настойкой парень, плюнув на все, решился и выбрал двух смешливых красивых девушек, которые постоянно крутились возле него. Видно, и он им понравился.

Жрец, заменяющий Иллайюка, пояснил, что после решения вождя эти девушки теперь безотлучно будут сопровождать Аксенова, но и он обязан о них заботиться. Если жених откажется, то их отцы имеют право его убить, так как он обесчестил дочерей. Официальная свадьба будет только через год. Право отказаться от будущего мужа имеют только девушки. Мужчина же обязан на них жениться. При этом количество жен не ограничено. Если за это время родится ребенок, то он останется при матери.

– Ну что, пограничник, влип? – шутливо спросил Николай.

– А, где наша не пропадала! Девки уж больно хороши, – весело ответил Семен.

На следующий день выяснилось, что пограничник таки не прогадал. Одна из девушек была дочерью сотника – командира гарнизона одной из крепостей, а другая – гончарного мастера, тоже уважаемого человека в племени.

Но большой фурор на празднике встречи богов у местных жителей вызвал Роговой своими песнями под гармонь. Сначала местный народ начал плясать и петь под звуки своих раковин, флейт и барабанов. При этом только мужчины вставали в круг. Они, почти топчась на месте, обнявшись за плечи, ходили по кругу и выкрикивали воинственные слова. Виракочам эта музыка показалась заунывной, поэтому Николай и попросил Рогового «сбавить нашу плясовую». Парень, уже принявший на грудь, выдал на гармошке от души. В такт своей музыке в круг вышли танцевать Антоненко и Аксенов. Они выкидывали такие коленца, что местные зачарованно застыли на своих местах. По мере продолжения праздника уаминка научились танцевать танцы богов. В дикой пьяной пляске слились все!

Наутро болела голова. Но, продолжая в том же духе, Антоненко и его команда по предложению вождя в течение нескольких дней посетили все селения племени уаминка. Аксенов даже успел познакомиться с родителями своих невест и получить согласие на испытательный супружеский срок. После чего Николай составил записку и попросил Синчи Пума передать ее своим, на водопад предков.

– Синчи, а почему ты не хочешь меня пригласить к соседям? – поинтересовался Николай.

– Они не должны знать о вас! – ответил вождь с помощью Рогового.

– Но почему?

– Они заберут вас у нас, и мы лишимся помощи богов!

– Глупости! Я никогда не покину твой народ. Теперь ты мой брат!

Роговой постарался перевести слова Антоненко как мог. Но по лицу вождя Николай понял, что тот чем-то все-таки недоволен.

«Что-то здесь не так!» – подумал он.

С момента прибытия в Уаман-канча к виракочам вождь приставил четырех молодых воинов. Они сопровождали Антоненко и его людей везде, но не являлись слугами. Обслуживали гостей только женщины. Воины же всегда находились рядом, выступая в роли гонцов и тело-

хранителей. Сначала они молчали, но постепенно между ними и гостями возникли разговоры, знакомство друг с другом. Начали общаться. Основным переводчиком был Роговой, лучше понимавший речь местных жителей.

В один из дней Николай сказал вождю, что им надо вернуться к своим. Синчи Пума, помолчав, попросил его подождать с решением.

На следующее утро в дом виракочей вошел воин-говец. Он, встав на колени, что-то быстро проговорил.

– Николай Тимофеевич! Нас вождь просит к себе. Дело важное! – сделал вывод Роговой.

В специально выделенном для виракочей доме жили только Антоненко и Роговой. Аксенова же будущие жены забрали к себе в новый дом.

– Вызывай Аксенова! Пойдем только втроем. И приготовь оружие. Мало ли что!

Когда все собрались, Синчи Пума объявил, что утром к нему прибежал goвец с известием о нападении врагов на соседей – родственное племя уанка. Соседи хотели принять бой, но враги оказались хитрее. Захватив несколько небольших селений и прихватив пленных с имуществom, они ушли.

Он, Синчи Пума, как местный курака, отвечает за безопасность всего района перед Сапа Инкой. Надо наказать врагов, вернуть плененных сородичей и похищенное добро. Но у него сейчас под рукой мало воинов, пусть виракочи покажут свою божественную силу.

Вождь также передал Николаю письмо от Климовича.

Прочитав письмо, Антоненко задумался.

– Командир рекомендует нам возвращаться назад. Самим ни во что не вмешиваться.

– А как же помощь вождю? – недоуменно спросил Роговой. – Он же на нас надеется!

Немного подумав, Антоненко объявил:

– Ну что, мужики, пришел и наш черед. Хватит пиво жрать да баб тискать! Если мы сейчас с врагами не справимся, то грош нам цена – порежут нас, как молоденьких поросят, и фамилию не спросят!

– Николай Тимофеевич! Да я за своих девчонок любому глотку перережу! – отозвался Аксенов. Чувствовалось, что он уже вошел во вкус хозяина гарема.

– Так. Проверить оружие и боеприпасы. Выступаем с уаминка. Вася, оставь свою гармошку здесь. Там она не пригодится. Лишний груз, – скомандовал Антоненко. – Нашим письмо отпишу. Пусть помощь высылают, если хотят с Синчи дружить. Как там говорил Наполеон: главное ввязаться в драку, а там посмотрим!

– Мои девчонки со мной, – заранее предупредил Аксенов.

– На хрена они в бою нам нужны? – высказал свое недовольство Роговой.

– Мне без них нельзя. Иначе мне кирдык, – пояснил Аксенов, поправляя за спиной свой ППД. – Уже сам жалею, что связался. Я так понял, что пока официально не женюсь, они и воевать со мной рядом будут, пока детишек не родят.

– Амазонки, что ли?

– Выходит, что так.

– Прямо как наши. И коня на скаку остановят, и в горящую избу войдут, – резюмировал Николай. – Ладно. Бери своих баб. Раз уж так. Всем переодеться в местную одежду. Пока светиться нам ни к чему!

– Да? С нашим-то ростом? – рассмеялся Роговой. – Да нас за версту видно! Сразу поймут, что мы – чужие!

– А ты пониже пригибайся и не ржи как конь, а то всех врагов распугаешь! – весело ответил Аксенов. – А одежду я подгоню. Мои девчонки быстро ее перешьют. Да и сами переоденутся как воины.

На написание письма, подгонку и переодевание ушло около часа. Один из приставленных к ним молодых воинов принес три плечевых сумки и тыквенные бутылки с водой. Заглянув в свою сумку, Роговой удивленно воскликнул:

– Командир! А зачем они туда какие-то листья да чистые тряпки напхали? Нам что, все время их таскать с собой?

Николай достал листья и показал их воину:

– Валью! Зачем это?

– Кока! Ам-ам! Сила! – ответил воин, одновременно показывая, что эти листья надо жевать.

При слове «кока» Антоненко сразу вспомнил свое время.

– Эти листья, ребятки, – что-то вроде наркотиков или допинга. Они помогают переносить высокогорье и придают сил. А тряпки – перевязочный материал, мало ли что... Так что берите, не пожалеете. А для дезинфекции у нас еще фляга самогонки осталась!

Передав новое письмо Синчи Пума, Николай был немного удивлен. Оказалось, что вождь не идет умирять врагов, а остается на месте. Две сотни воинов поведет его племянник Качи. Еще две сотни должны присоединиться к ним по пути из других крепостей уаминка.

Место для трех виракочей сначала определили в середине длинной цепочки воинов, споро бегущих по лесной тропе. Первые полчаса виракочам еще удавалось держать заданный темп, но потом – бобик сдох. Сказалась тяжесть оружия и боеприпасов, а еще больше – непривычка к таким быстрым горным переходам, да и весело проведенные до этого дни имели свои последствия. Оставив с виракочами пятьдесят воинов с приказом сопровождать тех до места сбора, Качи двинулся дальше, при этом ускорил темп передвижения.

К вечеру, еле передвигая ноги, Антоненко вместе со своими подчиненными взобрались по высоким ступеням на стены пограничной крепости.

– Еханный бабай... – отдышавшись, прохрипел Аксенов. – Летают по этим горам словно горные козлы, не догонишь! Физподготовка у них – дай бог!

– Ты сдох, а твоим девчонкам хоть бы хны! – подколол друга Роговой. – Вон какие розовенькие и довольные – хоть сейчас танцевать с ними в круг!

– Но-но! Ты на чужой каравай роток не разевай, сначала своих заведи! – вдруг взыграла ревность у Аксенова.

– Да, ребятки, если здесь все такие воины, трудновато нам придется! – подытожил Николай.

Пока группа Антоненко отдыхала и приводила себя в порядок, в крепость пришли еще две сотни воинов-уаминка. Их возглавлял будущий тесть Семена. Увидев отца, девушка бросилась к нему, что-то весело щебеча, видно, рассказывала, как они с виракочами совершали марш-бросок из Уаман-канча.

Наутро в крепость вернулся Качи. Вместе с ним под стенами появились и около четырех сотен воинов-уанка, соседей подвергшихся нападению дикарей из джунглей. Они рвались в бой, так как враг убил и увел с собой их родственников. Соседи практически не отличались от уаминка: такая же светлая кожа, только волосы немного темнее, и у большинства глаза не синие, а зеленые или карие.

«Как русские и украинцы в мое время», – сравнил Николай.

Вместе с гарнизоном крепости собрались восемь сотен воинов, что для этих мест было внушительной силой.

Как удалось узнать из всего, что им рассказали и что смог понять Роговой с помощью невест Аксенова, Сисы и Кукури: периодически, раз в несколько лет, из джунглей в их горы приходили дикие воинственные племена амазонских индейцев-людоедов. Враги называли себя гуаро. Они нападали на местных, убивали мужчин, стариков и маленьких детей, а молодых

женщин и подростков уводили с собой. Целью нападения была не территория, а именно люди. То есть еда. Убитых гуаро поедали на месте. Женщин и девочек превращали в наложниц, а когда те рожали детей и они немного подрастали, ребенка убивали и ели. Матерей оставляли до следующих родов и так далее, пока они не смогут больше рожать, после чего их съедали. То же самое происходило и с мальчиками-подростками. Когда парень вырастал, его использовали в пищу.

Несмотря на вечнозеленые, богатые плодами джунгли Амазонии, ее земля малопригодна для земледелия. Поэтому народы, живущие только за счет собирательства и охоты, в случае наступления голодных времен устремляли свой взор в Анды, где всегда находили себе двуногую пищу.

Услыхав такое, попаданцы содрогнулись.

Эх, говорила мама: не ходите, дети, в Африку... то есть в Амазонию, гулять! Сожрут же вас и фамилию не спросят!

– Что делать будем, командир? Жареным пахнет! – заволновался Аксенов. Ему стало как-то не по себе. Правда, парень больше переживал не за себя, а за своих невест, так и не успевших войти во вкус семейной жизни.

– Не бойсь, Котовский! Прорвемся!

– А при чем тут Григорий Иванович, герой Гражданской войны? – не понял сибиряк.

– Это так, к слову. Поговорка такая в моем времени была. Не обижайся, – успокоил молоджена Антоненко. – Смотри на это дело с оптимизмом и трезвым расчетом. Нас здесь больше, чем дикарей, напавших на соседей. Это раз. Наши уаминка и их родичи, в отличие от дикарей, знают в этой местности каждый куст. Это два. Разведка уже узнала, где гуаро устроили свое временное стойбище. Это три. Завтра с утрачка начнем охват. Мы с вами, вместе с четырьмя сотнями воинов, пойдем в лоб. Остальные пойдут справа и слева от нас. Как на охоте, в загон, прижмем «духов» к реке и там всех покروшим в мелкий винегрет. Ферштейн? Лучше спать до своих девок иди – соскучились, поди. Вон Васек уже второй сон смотрит да баб во сне обнимает, тебе завидует.

Повеселевший Аксенов попрощался с командиром и пошел в дом, выделенный для его молодой семьи.

Едва начало светать, а воины уже разошлись по разным тропам, разделившись на три отряда. В этот раз отряд, куда вошли и трое виракочей, шел по тропе не спеша, со всей предосторожностью, опасаясь спугнуть еще не потерявших бдительность и не расслабившихся гуаро. Отрядом командовал Качи. В него кроме двух сотен воинов-уаминка вошли и две сотни уанка.

Накан, отец Сисы, одной из подруг Аксенова, командовал отрядом, ушедшим в обход гуаро, с целью отрезать тех от реки. Как ни требовал отец от дочери остаться в крепости, не говоря уже о настойчивых просьбах Семена, но Сиса и Кукури наотрез отказались покидать своего молодого виракочу. Любовь оказалась сильнее страха смерти.

Спустившись с гор, отряд задержался на крупном утесе, возвышавшемся над ближайшими джунглями. Как понял Николай, здесь начинался рубеж развертывания отряда. Качи пригласил его и сына вождя уанка Асту, командовавшего своими воинами, подняться на вершину утеса и осмотреть местность. К этому времени уже рассвело, облачность осталась в горах, и перед их взором открылся, так сказать, театр предстоящих боевых действий.

От утеса и до блестящей полосы реки, видневшейся вдали, было не более трех сотен метров. Все расстояние между утесом и рекой занимали густые джунгли.

Качи и Асту всматривались в даль, пытаясь определить, где находятся ушедшие в охват другие отряды. Место же нахождения противника – гуаро, было и так хорошо видно по дыму от костров на берегу реки.

Николай не стал напрягать глаза, а просто достал из плечевой сумки бинокль и спокойно осмотрел местность.

Участок, на который они вышли, был не больше пятисот метров в длину и триста – четыреста в ширину. Он был единственным в округе местом, своего рода плацдармом, где с этой стороны реки можно пройти в горные долины, обжитые уаминка и уанка. Река являлась естественной границей между горами. С их стороны они были выше, и там возвышались неприступные скалы, а вот на противоположной стороне уже были поменьше, с заросшими густым лесом покатыми склонами.

Насколько мог увидеть Антоненко, течение реки в этом месте было не очень сильным, а ее ширина не превышала и семидесяти метров, хотя русло реки довольно извилистое.

Гуаро расположились на берегу, где, рассевшись возле костров, готовили себе завтрак из человечинки. Видно, они не первый раз совершали отсюда свои набег, так как на этом участке берега лес был хорошо прорежен, а местами даже полностью вырублен. На берегу валялись пара десятков лодок долбленок-однодревок. С их помощью гуаро спустились по реке или переправились на этот берег.

На берегу Николай увидел также и несколько групп пленников. Большую часть составляли молодые женщины и девочки-подростки. Отдельно от них на земле лежали мужчины и мальчишки. Все пленники были в разорванной одежде и связаны лианами. Пленных было не меньше сотни. Охраняли пленников десятка два гуаро, прохаживающихся между ними. Глядя на выражение их лиц, Николай вспомнил когда-то прочитанные рассказы об африканских каннибалах. По виду охранников было заметно, что они не прочь прямо сейчас полакомиться, откусив у своих жертв самое вкусное в человеке – ладони и пальцы рук.

Антоненко с нескрываемым интересом стал рассматривать врагов, пытаясь их сосчитать. Все же первый раз в жизни он увидел людоедов!

Это были довольно высокие мужчины крепкого телосложения с коричневой кожей, покрытой различными рисунками, выполненными красной краской. Вся их одежда состояла из веревки, которая поддерживала крайнюю плоть и была обернута вокруг талии. Они были черноволосыми, но без усов и бороды. Волосы были длинными и спускались на плечи или перевязывались на затылке куском веревки со вставленными перьями. У многих головы увенчаны своеобразными коронами из костей, возможно, даже и человеческих. Ушные мочки проколоты, и в них вставлены диски из дерева. Лица гуаро также были покрыты красной краской и имели устрашающий вид. Оружие дикарей не отличалось разнообразием. Это были копья-дротики с каменными наконечниками, большие однодревковые луки с пучками стрел в колчанах, висящих за спиной, и тростниковые ножи в бамбуковых ножнах. У некоторых Николай также заметил деревянные палицы.

Вместе с охранниками Антоненко смог насчитать больше сотни гуаро. Сколько было их на самом деле, из-за растительности невозможно подсчитать.

«Да что тут их бить – и двух хороших очередей из пулемета вполне хватит... А собрали против этой кучки людоедов восемьсот воинов!»

С этими мыслями он передал бинокль Качи. Племянник вождя с опаской взял в руки бинокль и, как это делал Антоненко, попытался поднести его к глазам. Первой его реакцией было вскочить и кинуться в бой. Он чуть не выронил бинокль из рук, хорошо, что Николай успел его перехватить, а то бы точно разбил. Немного успокоившись, Качи снова попросил бинокль и уже с удовольствием разглядывал окрестности.

Почти одновременно, слева и справа от стоянки гуаро, в небо потихоньку стали подниматься по одному дымок. Увидев их, Качи приказал воинам поджечь приготовленный заранее небольшой костерок на вершине утеса. Когда дым от костра начал подниматься над утесом, воины уаминка и уанка, развернувшись в плотную цепь, начали углубляться в лес к реке.

Антоненко со своими подчиненными также хотел пойти в цепь, но Качи остановил его, дав понять, что задача виракочей – только присутствовать, победу над врагом обеспечат его воины. Николай не стал возражать, тем более что воевать в джунглях ему еще не приходилось.

Попаданцы, взяв оружие на изготовку, пошли за воинами на некотором удалении. Вместе с ними двигались невесты Аксенова и приставленные Синчи Пумой четыре воина-гонца.

Вдруг впереди послышался вскрик, затем еще один. Почти одновременно с последним лес взорвался оглушительным ревом сотен глоток. Вся масса воинов, уже не таясь от врага, кинулась вперед.

– На охранение наравались! – воскликнул шедший рядом Аксенов. – Дикари дикарями, а секреты выставили!

Пробежав уже не скрываясь вперед, виракочи наткнулись на лежащего на спине воина-уаминка. Его лицо искажала гримаса боли, изо рта шла пена, а конечности дергались в последних конвульсиях. Из груди торчала небольшая стрела.

Один из молодых воинов-гонцов попытался взяться за стрелу и вытащить ее из груди товарища, чтобы облегчить его участь, но Антоненко резко остановил:

– Стоять! Она отравлена! Не дай бог сам поранишься, тогда и ты умрешь! А ему уже не поможешь!

Воин, испугавшись, отпрянул в сторону. Продвинувшись в глубь леса, увидели место первой стычки. Здесь лежал еще один истекавший кровью уаминка. Голова его была проломлена деревянной палицей, лежавшей неподалеку. В кустах в разных позах валялись трое дикарей. Один из них был словно еж напигован стрелами. Николай заметил возле него трехметровую палку-трубку и колчан с короткими стрелами без наконечников. К колчану была прикреплена маленькая тыквенная бутылка.

– Духовое ружье с отравленными стрелами. После них никто не выживет, – пояснил Антоненко своим.

Двое других гуаро также были убиты. Первый дикарь насквозь проткнут копьем, торчащим у него из груди, а у второго – разможжен череп.

Со стороны реки раздавались ужасные крики рукопашной схватки. Пospешив туда, виракочи увидели следующую картину. Уаминка и уанка, шедшие в охват, отрезали гуаро от берега, захватив почти все лодки-однодревки. Сейчас на берегу происходил не бой, а добивание оставшихся в живых дикарей. Надо отдать им должное: они не просили о пощаде, а сопротивлялись до последнего, дерясь своими копьями и палицами один против трех, а то и пяти. Но вскоре все было кончено. Ни один гуаро на этом берегу не остался цел, все были перебиты. Только несколько дикарей попытались на двух лодках переправиться на другой берег.

Недолго думая Роговой вскинул свой пулемет и с рук дал по ним две коротких очереди. Большинство упали в воду с пробитыми пулями спинами. Только двое смогли выбраться на противоположный берег. Николай машинально передернул затвор и поднял карабин. Прогрел выстрел. Дикарь вскинул руки и уткнулся лицом в землю. Перезарядив, Антоненко поймал в прицел спину последнего оставшегося в живых гуаро. Но тот, словно почувствовав дыхание смерти, резко бросился на землю и скрылся среди густых кустов. Запоздавшая пуля ударила в ствол дерева над его головой.

– Черт! Ушел, гад! – сплюнул Николай. – Вот и есть мой первый «дух» на этой земле! С почином!

Николай обернулся к своим, и его чуть не вырвало от увиденного. Давно он такого не испытывал. Такое же состояние было у Рогового и Аксенова. Хотя стоявшие рядом с ним Сиса и Кукури чувствовали себя нормально и смотрели на происходящее даже с интересом. На берегу лились реки крови. Воины-победители, соревнуясь между собой, отрезали всем убитым и даже тяжелораненым гуаро головы. Поскольку имевшиеся у них бронзовые ножи были не такими острыми, как стальные, этот процесс затянулся. Оторвав голову у очередного поверженного врага и измазавшись его кровью, воин дико кричал и прыгал от радости, словно маленький ребенок, получивший заветную игрушку. И такими кричащими воинами был усыпан весь берег. Шум стоял неимоверный.

– Дикари! Настоящие дикари! Куда мы попали? – Опустив на землю пулемет и сев рядом, Роговой схватился за голову.

– Зато хоть не едят человечину, как предыдущие товарищи, мать их... – ругнулся Аксенов. Ему стало противно смотреть на союзников. Даже на своих девчонок не смог глянуть, а повернулся лицом к реке.

– Возьмите, мужики, выпейте самогонки! – протянул им флягу Антоненко, предварительно сделав сам пару хороших глотков. – Не смотрите туда. Ничего мы сейчас не сделаем. Как говорил профессор Левковский: у каждого народа – свои нравы. За один день их не перевоспитаешь. Придется пока смириться.

Вдруг за спиной они услышали шум и улюлюканье, как будто на охоте гнали зверя в загон. Обернувшись на звуки, Николай увидел, что по берегу мечется молоденький гуаро. Пареньку было лет двенадцать-тринадцать, не больше. За ним, с палками и дротиками в руках, гонялись несколько освобожденных подростков-уанка, но никак не могли поймать. Видно, еще не отошли от плена. Взрослые воины стояли кругом, но не трогали чужого пацаненка, а только пугали его, даря своим подросткам честь убить первого в своей жизни врага. Так получилось, что мальчишку зажали со всех сторон, ему некуда было бежать, кроме как на виракочей, что он и сделал. Увидев перед собой стоявшего неподвижно белого бородатого гиганта, парень бросился к нему, упал на колени и крепко обнял ногу. Шум вдруг резко оборвался, наступила тишина. Никто из воинов и гонявшихся за мальчишкой подростков не попытался даже приблизиться к виракочам. Дикарь выбрал сам свою судьбу, теперь право его убить принадлежит только сыну бога.

Николай замер от удивления. Он чувствовал, как дрожало все тело пацаненка, слышал его тихое всхлипывание, слезы ребенка намочили одежду.

– Не бойсь, пацан, солдат ребенка не обидит! – придя в себя от неожиданности, тихо произнес Антоненко, погладив трясущуюся головку мальчишки. Затем, окинув взглядом всех уаминка и уанка, громко сказал: – Это мой дикарь! Кто его тронет, будет иметь дело со мной! Ясно?

Никто не сдвинулся с места. Все молчали, ожидая дальнейших действий виракочи, думая, что он решил немного позабавиться с этим маленьким гуаро.

Рядом с Николаем поднялся Роговой и так же громко попытался перевести слова командира на язык уаминка. Немного постояв, воины пожали плечами и разбрелись по берегу, помогать своим раненым, собирать тела убитых и трофеи. Так решил сын бога, и они не смеют его осуждать. Хотя каждый был готов убить этого оставшегося в живых детеныша гуаро за смерть своих близких. Кровная месть предусматривает полное уничтожение рода врага, вплоть до маленьких детей.

– Семен! Охраняй мальчика! – скомандовал Антоненко. – Пошли, Василий. Нам с Качи поговорить надо.

Найдя племянника вождя возле лежащих на земле убитых уаминка и уанка, Николай сначала поинтересовался о потерях. Роговой, как умел, переводил.

– Сколько наших полегло?

– Два десятка с половиной уаминка и четыре десятка уанка. Погиб сын вождя уанка Асту. Славы хотел. Первым шел. Вот и получил две стрелы в грудь.

– А почему у вас доспехов бронзовых нет? Таких, как у Синчи Пума и у тебя? Если бы у Асту был такой доспех, он бы остался жив!

– Смелым воинам доспех не нужен. Победа или смерть. У меня доспех инков, в бою взял, трофей. Мы не умеем делать таких.

– Сколько врагов убили?

– Сто и семь десятков. Воины довольны. Голов врагов и славы много.

– Что дальше делать будем?

– наших погибших и раненых отнесем к нам. Асту и других уанка – к ним. Сердце воина должно храниться на своей земле.

– Мы теперь куда идем?

– Накан с воинами отнесет наших раненых и погибших домой. Виракочи и я идем к уанка. Надо рассказать о славе Асту его отцу и племени. Он был единственным сыном.

– А что делать с телами убитых гуаро? Их надо закопать или сжечь, а то болезнь пойдет.

– Мы не будем их трогать. Если новые гуаро придут сюда, то пусть видят, что на этой земле их ждет смерть. Мы сюда не будем приходить, поэтому болезнь нас не возьмет, а убьет только дух любого гуаро, ступившего сюда.

Николай не знал, как поделikatнее спросить у Качи насчет спасенного им мальчика-гуаро. Не отвернутся ли от них союзники? Но Качи опередил его:

– Ты оставил жить одного гуаро. Ему не место среди нас. Прогони его или убей сам. Это твой выбор. Воины не будут вмешиваться. Но если ты этого не сделаешь, его убьют другие.

– Хорошо. Я подумую.

На изготовление носилок для своих раненых и убитых ушло не слишком много времени. После полудня две длинные цепочки не спеша потянулись в горы. Одна, с ранеными и убитыми уаминка, пошла к своей крепости, другая – в земли народа уанка.

Перед уходом Антоненко настоятельно рекомендовал Качи не бросать на берегу, а спрятать подальше все захваченные лодки, авось пригодятся. Тот сначала не хотел: зачем им они, уаминка не собираются переплывать на другую сторону, здесь граница их земли. Но все же приказал отнести лодки подальше от берега и спрятать в густой чаще.

Отправляясь к уанка, Николай взял с собой только Рогового. Аксенову же приказал охранять спасенного мальчишку и, не задерживаясь в Уаман-канча, возвращаться в город попаданцев. Может даже своих невест с собой прихватить, если еще не передумал на них жениться. Еще не отошедший от пережитого, Семен молча кивнул головой и пожал руки товарищам. Пареньку-гуаро он приказал идти только впереди себя, чтобы сзади его втихаря никто не прирезал. Следом за ним пристроились и девчонки.

Когда все живые ушли, на берегу остались только потухшие костры да разбросанные и обезглавленные трупы врагов, облепленные мухами.

Уходя, Качи оставил на утесе десяток воинов-уанка. Охранять границы своей земли.

Глава 2

– Итак, запомните. Шашка – это ваша плоть, как продолжение руки. Ее острие вы должны чувствовать как кончик своего пальца. Шашка должна работать как одно целое со всем телом. К своей шашке надо сразу привыкать. Как гласит пословица: казак и во сне шашку шупает. Поэтому с сегодняшнего дня вы будете всюду ходить с шашкой, даже спать с ней в обнимку, вместо женщины. Это первое. Второе. Держать шашку следует с минимальным напряжением, то есть не сильно и не слабо. Рука должна быть полурасслаблена. Усиливать хват надо в моменты максимально быстрых движений. Третье. Конец клинка всегда должен смотреть на противника. Тот, кто нарушит это правило, умрет первым...

Ротмистр Новицкий прохаживался между двумя шеренгами молодых солдат и красноармейцев, обращенных друг к другу лицом, опираясь левой рукой на эфес своей шашки, а правой время от времени покручивал свои гусарские усы.

Эти два с половиной десятка молодых парней были отобраны им для создания собственной кавалерии попаданцев, теперь уже новороссов. В дополнение к казакам.

Поскольку нужды в артиллерии сейчас не было, пушки стояли зачехленными на площади Новоросска возле стоянки автомобилей под охраной часовых, Максим с Андреем упростили Новицкого научить их приемам фехтования и верховой езде. К ним примкнул и лейтенант Попов, сумевший найти общий язык с ротмистром. Они стояли вместе с остальными, как простые курсанты. У каждого будущего кавалериста на левом боку, на плечевой портупее, висела шашка. У кого армейская, с гардой и дужкой, у кого – казачья, без оных. Шашки нашлись в обозе белых как трофейное оружие, захваченное в свое время у красных. Только у Григорова была взята в бою как трофей из немецкого бронетранспортера.

Обучение происходило уже две недели на лугу возле форта Теплый Стан. Здесь было больше места, да и возможностей, чем возле города. На противоположном краю луга казаки на лошадях занимались джигитовкой и рубили на скаку лозу.

В первый день занятий умение казаков владеть своим холодным оружием и лошадьми вызвало у Максима восхищение и горячее желание научиться хоть немного быть похожим на них. Тем более что попали они во времена, когда владение мечом и шпагой считалось более важным, чем умение читать и писать, а огнестрельное оружие еще не стало таким удобным и массовым, как в последующие века.

Глядя, как казаки виртуозно орудовали шашками, Максим с Андреем замучили вопросами обучающего их Степана Левченко, брата старшего сержанта-артиллериста. Урядник еле успевал им отвечать.

– Как можно научиться так шашкой работать?

– За день не научишься и даже за год! Нас, казачат, с десятилетнего возраста учат с шашкой обращаться. Меня еще дед наш учил, а Григория – отец и я!

– А в моем времени все больше японцев хвалят. Их умение владеть своим мечом, – решил показать свои познания Максим. – Победили ведь нас самураи в одна тысяча девятьсот пятом году.

– Что?! – удивился Степан. – Кто тебе такую сказку-то сказал? А ты уши развесил и поверил... Враки все это! Это на море Россия проиграла, а на суше выиграла; просто генералы тупыми оказались, сдали нас с потрохами япошкам за золото. Ты знаешь, как японцы наших казачков боялись? А за что наш батя первый Георгиевский крест получил, знаешь? Пошли они со товарищи как-то в разведку и столкнулись лоб в лоб с японцами. А там сплошь самураи! Так наш батя лично трех самураев зарубил, мечи их принес, да еще и пленных пригнали. А для самурая потерять свой меч – знаешь, что такое? Несмыаемый позор! А знаешь, что у японского императора после этой войны личными охранниками были не его самураи, а наши

казачки? Победенных в охранники не берут, вот так-то! А ты говоришь – самураи! Слабаки они супротив наших станичников!

– Но ведь их меч-катана считается лучшим холодным оружием! – попробовал возразить Максим и замер от неожиданности.

Меньше чем за секунду казак выхватил пашку и одним резким движением срубил небольшое деревце, стоявшее рядом.

– А ты кавказскую пашку «волчок» видал? – Степан с гордостью показал на лезвии своей пашки клеймо, похожее на бегущего волка. При ближайшем рассмотрении на лезвии не было даже следа от такого удара. – Сталь особой закалки, супротив нее невозможно обороняться. Дедова... А ты говоришь – япошки, самураи... Да им еще до нас...

– Да. У нас, у русских, своя гордость...

– А то! Мозги вам там, в будущем, забили всякой дрянью чужеродной, а свое не помните! – рассмеялся Степан. Затем вдруг стал серьезным и произнес: – Да ежели наши предки такие слабые да тупые были, смогли бы они столько земли-то завоевать?! Подумай головой-то... Вот ты, что на небе окромя туч да облаков видал?

– Звезды!

– Это не просто звезды! Это глаза твоих предков! Они смотрят на тебя с небес: достоин ли ты их? Как ты будешь защищать свою семью, свою родину и свою веру? Об этом думай – тогда ничего тебя не возьмет и все ты осилишь. А если ты – слабак, то не жить свободно на земле ни тебе, ни твоим детям, ни внукам с правнуками! Это нам еще деды-прадеды говаривали да завещали. Вот так-то, братка!

Внимание Максима и Андрея привлек казак средних лет с небольшой русой бородкой, скачущий на лошади с двумя пашками в руках. Блестящие лезвия описывали в воздухе окружности, создавая вокруг него смертоносную ауру. Приблизившись к воткнутой в землю лозе, казак сначала поднялся в седле, делая вид, что хочет рубануть сверху, но затем резко свесился с коня и рубанул лозу снизу вверх. То же самое он проделал и на другую сторону, с другой пашкой.

– Ничего себе! Как он с двумя пашками-то управился: словно двоих одновременно зарубил! И снизу вверх! – восхитился Григоров.

– Это Мирон Осадчий! – довольный впечатлением, произведенным на учеников его земляком, Левченко прокомментировал: – Он характерник, как и все в его роду. Про такие приемы в уставах и учебниках не пишут, они по секрету передаются от отцов к сыновьям, ведь часто цена им – жизнь...

– А давно он воюет?

– С первых дней на германской... Таких казаков, умеющих в совершенстве владеть пашкой, всегда выставляют в первых рядах казачьей лавы. Два клинка дают всаднику возможность прорубиться сквозь первый ряд неприятеля, сильно уменьшая его количество. Проломившись сквозь первую шеренгу, он мгновенно освобождается от второй пашки, как правило метнув ее в противника, и приступает уже к «однорукой» рубке...

– А чего он сначала сверху замахнулся, а срубил снизу вверх?

– Дело в том, что при приближении всадника пехотинцу предписывается двумя руками поднимать над головой винтовку, защищаясь от уставного удара сверху. Казак же сначала показывает такой удар, потом резко свешивается с коня и сильным ударом пашки снизу разваливает солдата на две части. Или бьет всадника под локоть. А попробуй повоевать без руки-то! Вот поэтому и боялись нас германцы с австрияками как чумы! Не умеют они по-нашему воевать-то!

– А как он с коня не свалился?!

– А это хитрость такая есть. Стремена под брюхом лошади связывают ремнем, что позволяет всаднику свешиваться вбок чуть ли не до земли. Этому способствует и устройство сбруи.

Вишь, какие седла казачьи? В другом седле так не встанешь и не прогнешься; только в нашем, казачьем, можно джигитовкой заниматься! Ладно, ребята, пошли к лошадам, научу вас казацки в седле сидеть.

– А как же мы без шпор лошадь подгонять будем?

– А зачем казаку шпоры-то? Они только мешают. У казака нагайка есть: и коня послать можно, и вражину за руку али за шею захватить!

Для каждого кандидата в кавалеристы подобрали лошадь и сбрую. Первые три дня проходили в привыкании друг к другу человека и лошади. Григоров был на своем Орлике, а Максиму и Попову подобрали лошадок под их рост. Максиму достался довольно высокий вороной конь по кличке Ворон, все время норовивший укусить нового наездника за коленку. Макс сначала не знал, что делать, даже хотел съездить ногой коню в зубы, но вовремя удержался. Увидевший это Степан Левченко посоветовал наладить дружбу с Вороном, угостить его сухариком или куском сахара, постоянно ухаживать за ним и даже разговаривать почаще. Но конь должен понять, что главный в паре – человек, а не он. Постепенно всадник и конь наладили контакт. Этому способствовал и небольшой конный поход к водопаду и обратно.

Вырабатывая у новичков умение управлять лошадью ногами, Новицкий по несколько часов заставлял их держать зажатые между ног большие деревянные колоды, одновременно крутя в руках тяжелые палки с шашку размером. Круговое вращение шашки рукой, согнутой в локте и на вытянутую руку, считалось одним из важнейших упражнений рубки, делающих кисть сильной и подвижной. Также поставили пару деревянных «козлов», на которых отрабатывалась правильность нанесения ударов шашкой. После чего уже на лошадях осваивали рубку люзы.

В занятия входила и общефизическая подготовка: бег, гимнастика, рукопашный бой. Все эти дни новоиспеченные кавалеристы возвращались в казармы, еле волоча раскоряченными ногами налитое усталостью тело, с одной мыслью: быстрее упасть и заснуть. Даже есть не хотелось. Кое-кто поначалу выражал недовольство, но постепенно привыкали к таким нагрузкам. Тяжело в учении, легко в бою!

Лучше плохо ехать, чем хорошо идти!

Рядом с кавалеристами занимался и отряд пехотинцев, состоящий из шестидесяти бойцов, разбитый на два взвода. Их подготовкой руководили Уваров и Нечипоренко, как офицеры-десантники. Они так гоняли своих подчиненных, что те черной завистью завидовали кавалеристам.

Больше людей Климович выделить не мог. Строился форт возле водопада. Кроме того, надо было нести караульную службу, работать в кузнице, заботиться о снабжении топливом и продовольствием. Хорошо хоть в госпитале уже никого не осталось, все раненые выздоровели и сейчас находились в строю. Правда, по настоянию Баюлиса, их не стали привлекать к занятиям, а в основном они несли караул и помогали по хозяйству.

После обеда на луг приходили заниматься и мальчишки, начиная с десятилетнего возраста. Участие в военной подготовке наравне со взрослыми для них было почетно и очень интересно. Ребята также выкладывались по полной. Ими руководили капитан Невзоров, назначенный директором кадетской школы, и старший сержант Левченко, вдруг захотевший заняться воспитанием подростков; все равно пушки сейчас зачехлены...

– Правильный удар шашки определяют по звуку. Если тонкий свист клинка – удар поставлен хорошо, глухой звук – удар неправильный. Свист шашки при движении клинка – важнейший показатель скорости. Ведь именно от скорости в первую очередь зависит сила удара. Чем выше скорость, тем тоньше свист. Плечо должно быть расслаблено и свободно, сила применяется в последний момент... Шашкой не ставят жесткие блоки, а отводят в сторону оружие противника путем прилипания к нему по ходу на дальнем расстоянии и сопровождения его дальше по кругу, по спирали вовнутрь или наружу, резко сбивая вниз, в сторону, вверх, в

сторону противника, ловят клинок клинком на тыльную или плоскую сторону путем скольжения... Работают кисть с проворотом, предплечье и плечо с проворотом, обязательно слитно с движением всего тела...

Ротмистр Новицкий не только говорил, но и сопровождал свои слова демонстрацией необходимых движений, взяв в помощники одного из молодых казаков.

– Запомните: бой требует высокой подвижности и скоростной выносливости, постоянной смены дистанции и верной оценки этой дистанции. Поэтому фехтуют, не стуча клинком по клинку противника, а меняя темп и дистанцию, то есть НОГАМИ. Если хотите остаться в живых, больше двигайтесь. По неподвижной мишени легче попасть. Не старайтесь обязательно убить противника, главное – вывести его из строя. Потом добьете. Наносите удары, уколы и подрезы, по рукам и ногам противника, так как голова и корпус могут быть защищены. Раненый противник – уже не боец. Используйте в бою не только шашку, но и все, что может нанести вред врагу или отвлечь его внимание... Шашки! Подвысь! В позицию...

Из-за занятий Максим почти не встречался с Оксаной. Знал только, что она в госпитале, где Баюлис организовал для женщин курсы медсестер. Его ревность к Клаусу Хорстману потихоньку угасла. Молодого немца отправили строить форт возле водопада, поэтому в городе он не появлялся, а по виду девушки не было заметно, что она скучает о нем. Поговорить с Оксаной Максудалось только вечером, когда новоиспеченные кавалеристы после занятий и последующего купания в Теплом ручье, ведя лошадей, возвращались в город.

– Здравствуй, Оксанка! Давно тебя не видел...

– Что, успел соскучиться? – засмеялась девушка.

– Честно? Да, – смутился парень. – А ты обо мне не скучала?

– Некогда здесь скучать, когда парней кругом полно – так и набиваются в женихи! Я ведь девушка свободная! – пошутила Оксана, зная, что Максим к ней неравнодушен.

– Я этим женихам ноги-то пообломаю! – вдруг серьезно ответил парень.

– А ты что, меня уже сосватал или купил? – засмеялась девушка, лукаво смотря на уха-жера.

– Пока не купил, но все может быть... – поняв ее шуточную игру, рассмеялся Макс. – Хочешь на коне прокатиться? До озера и назад!

– Максим! Смотри не загуляйся – ворота через час закрывают, – напомнил другу остановившийся рядом Григоров. Он вместе с другими как раз проходил мимо влюбленных.

Бойцы с завистью поглядывали в сторону Максима. Таких красивых и свободных девушек в Новоросске по пальцам пересчитать, не всем достанутся. Но при этом особо не расстраивались. По рассказам Вайры и Юску, уже немного освоившихся среди виракочей, в племени уаминка красивых и свободных девушек много, на всех хватит, даже и не по одной.

– А прокати! – согласилась Оксана.

Откуда силы взялись в измотанном ежедневными физическими нагрузками теле! Макс, как заправский казак, одним махом вскочил в седло, и легко подняв Оксану, усадил перед собой. Затем, дав шенкеля Ворону, одновременно потянул повод в сторону озера. Конь, словно почувствовав желание хозяина покрасоваться перед девушкой, тихой рысью двинулся к водоему. Как бы невзначай, Оксана прильнула спиной к груди Максима, закинув голову назад... Во время езды их щеки все чаще стали соприкасаться... Макс не выдержал... он крепко обнял девушку за талию и поцеловал ее в губы...

Конь – не автомобиль, сам видит дорогу и знает, куда надо идти! Как хорошо быть кавалеристом! Обнимай, целуй девушку, а конь сам идет куда надо! И зачем мы завели эти авто! Никакого кайфа! Вместо девушки – смотри на дорогу! Кому сказать спасибо, что меня сюда занесло?! Никогда такого блаженства раньше не испытывал!

Оксана не стала сопротивляться, даже не отпрянула от Максима, только, закрыв глаза, жадно искала его губы... Разгоряченные объятиями и занятые поцелуями молодые люди пришли в себя только тогда, когда Ворон, зайдя в озеро, начал бить копытом по воде. Холодные брызги остудили их пыл.

– Стой! Назад! Ворон, на берег! – пришел в себя Максим. Ему стало немного стыдно перед конем. В этой ситуации тот оказался мудрее.

– А ты знаешь, что твой отец письмо прислал? Уаминка наша помощь нужна... – немного стеснясь от своей несдержанности, произнесла Оксана, когда Макс спустил ее с коня на землю и сам встал рядом.

– Знаю. Нам Новицкий сегодня объявил. Завтра сборы, а послезавтра поутру выходим, – грустно произнес парень. Ему не хотелось покидать девушку, когда между ними любовь уже перешла почти в близость. – Жалко расставаться. Мало ли что будет... Война...

– А при чем тут расставание? Мы вместе с вами идем. Весь наш госпиталь. Янис Людвигович настоял, а командир не смог возразить. – довольно сообщила новость Оксана.

– Но ведь там будут кровь и смерть! – испугавшись за девушку, заволновался Максим. – Зачем ты там?

– Ты не хочешь быть со мной? – неуверенно спросила девушка. – Или испугался?

– Да нет, просто переживаю за тебя... – начал оправдываться парень, – за других девчат... Молодые вы еще – куда вам воевать? Без вас справятся!

– Да наши девчата больше крови и смертей видели, чем ты за всю свою жизнь! – В голосе Оксаны появились негодующие нотки. – Варя и Рита с первых дней на фронте, а у Екатерины Валерьевны муж на руках от ран умер! Эх ты...

Девушка вдруг резко развернулась и скорым шагом пошла к воротам города. Макс опешил. Что он такого сказал? Вот так, на голом месте, он из любимого человека превратился в труса... Да, тяжело понять нашему современнику психологию девушек тридцатых и сороковых годов. Мама, роди меня обратно... Но в их времени, чтобы разобраться и понять!

Вскочив на Ворона, парень догнал девушку.

– Оксанка! Я не то совсем хотел сказать, ты меня неправильно поняла!

– Я все поняла! Больше ко мне не подходи!

– Из огня да в полымя: не успели передохнуть, как снова в бой!

– Да, покой нам только снится...

Климович с Уваровым стояли на площади перед проходной башней, наблюдая, как бойцы занимаются погрузкой небольшого каравана, состоящего из десятка двуколок.

По предложению профессора Левковского часть телег переделали в двухколесные тележки наподобие арбы, как на Кавказе или в Средней Азии. Такую тележку одной лошади легче возить по горам. Вес меньший перевозит, чем на обычной четырехколесной телеге, зато маневренность выше и больше груза берет, чем просто навьючить на лошадь. Грузили боеприпасы, два миномета, два пулемета «максим», два немецких МГ и один ДП, немного продовольствия в дорогу (надеялись, что уаминка не оставят их голодными), а также другое необходимое снаряжение. Не забыли погрузить и подарки для своих новых союзников. А действительно: как-то неудобно, уаминка одарили виракочей, а они – нет.

Сам же профессор вместе с Ольховским в сопровождении политрука Жидкова, старшины Долматова и с двумя десятками помощников еще позавчера на подводах отправились за рудой к разведанным месторождениям.

– Я принял решение. Выхожу вместе с вами, – проговорил Климович, – хватит мне в тылу отсиживаться, надо на людей посмотреть да себя показать.

– Алексей Аркадьевич! Да у вас же нога – как вы ходить-то сможете, да еще по горам? – попытался отговорить командира Уваров. – Кто городом руководить останется?

– Вы меня совсем уже в тыловые крысы записали, Олег Васильевич! Хватит, насиделся и належался! Я не пешком, а на лошади поеду. Всю молодость в седле провел, не забыл еще, с какой стороны на коня садятся, – успокоил его Климович. – А за город не переживайте. Бажин комендантом назначен. Порядок будет обеспечен. Тем более что Борис Иванович со своими кадетами продолжает заниматься. Он также присмотрит за всем хозяйством. Правда, народу здесь мало остается, все при деле...

На помощь новым союзникам уходили только сорок пехотинцев, сорок кавалеристов и минометный взвод. Часть бойцов все же оставили для охраны города и фортов. Вместе с подмогой шел и Баюлис со своими помощниками. В Новоросске из медиков оставалась только Екатерина Валерьевна. Она также хотела идти вместе со всеми, но Алексей Аркадьевич еле уговорил ее остаться, клятвенно пообещав, что не будет лезть в гущу боя. Потеряв одного мужа, женщина боялась потерять и второго.

Кроме того, в госпитале оставался еще один раненый. Молодой охотник-уаминка Юску. Он порывался идти к своим, но Иллайюк и Баюлис, словно сговорившись, категорически запретили ему большие нагрузки. Ключица еще не зажила, а с такой раной парень не воин, а только помеха своим товарищам.

– Оставайтесь здесь и учите язык виракочей, – приказал старый жрец Юску и Кайва. Своего молодого помощника Иллайюк также оставил в городе, но уже по просьбе Невзорова, чтобы тот обучал попаданцев языку кечуа.

Сам Иллайюк и Вайра возвращались домой. Сыну вождя в первый же день Янис Людвигович вправил ногу и зашил грудь. Мази Иллайюка и магия предков помогли быстро зажить все раны. Сейчас Вайра снова был полон сил и готов биться с врагами. Тем более что в этом году его ожидал обряд посвящения в воины. Он шел вместе с новыми друзьями, молодыми виракочами: Максимом и Андреем, с которыми уже успел поближе познакомиться. За время нахождения в госпитале Вайра немного научился говорить по-русски, поэтому старался общаться с ними почаще.

Как ни рвался Дулевич идти вместе с командиром, но Климович приказал ему оставаться на месте.

– Сергей Олегович! Оставайтесь на базовой радиостанции. Перенесите ее повыше, чтобы связь была лучше. Мы берем с собой Хворостова с одной переносной рацией. Вторая будет у Бондарева и Коваленко в новом форте. Если с вами не свяжемся, то будем общаться через них. Не волнуйтесь, еще повоюете. Лучше к свадьбе готовьтесь.

– Да я об этом и речь веду, товарищ подполковник! – заволновался Дулевич. – Рита моя с вами уходит – как же мне не волноваться!

– Хорошо. Я попрошу Яниса Людвиговича оставить ее в форте у Коваленко. Сделаем там небольшой перевалочный медпункт, между нами и городом. Ей там с поварами не скучно будет, не одна все-таки женщина на кучу мужиков.

– И на этом спасибо!

Попаданцев, имеющих знания и умения, так необходимые в этом мире, командиры не привлекали к боевой подготовке и караульной службе. Только занимайся делом и придумывай, как улучшить жизнь всем...

Часть людей, кто не имел каких-либо способностей, полезных для попаданцев в городе, были отправлены на строительство форта под руководством Бондарева и Коваленко. По периметру форта стены уже практически установили, оставалось только закончить башню с воротами и внутренние помещения. На них ушли и бревна плота, на котором переправлялись по озеру к месту строительства.

Кроме строительства форта Бондарев приказал и расширить мост у водопада. В дно возле каменных опор вбили деревянные столбы, перекрыв их бревнами, а сверху уложили толстые доски вровень с каменными блоками. Таким образом ширина моста достигла почти четырех

метров, что давало возможность спокойно переправиться на другой берег даже автомобилям. Для безопасности по краям моста установили также перила метровой высоты.

Уже имея опыт поднятия из котлована на плато, решили сделать подъем к форту из долины уаминка более пологим. При помощи оставшейся взрывчатки саперы обрушили часть скалы, нависавшей над каменными ступенями, предварительно с помощью дежуривших внизу воинов-уаминка соорудив там деревянную изгородь. От взрывов уаминка чуть не умерли от страха. Но виракочи были рядом, так что все обошлось. Получилась уже не тропа, а довольно широкая дорога, по которой вниз спокойно могла спуститься лошадь с повозкой, не говоря уже о всадниках.

Со стороны кузницы, где были построены и мастерские, к площади не спеша протарахтел мотоцикл, ведомый Гансом Штольке. За немцем сидел Ярцев, заместитель по тыловому обеспечению попаданцев. Оба имели немного взъерошенный, но довольный вид.

Еще больше поразило Климовича и Уварова транспортное средство. Это не был привычный для них мотоцикл с коляской. Нет, он также был трехколесным, но коляска отсутствовала, а вместо одного заднего колеса у мотоцикла было аж два, но по бокам. Своим видом мотоцикл стал напоминать детский трехколесный велосипед, но больше размером и с мощным двигателем. Сзади мотоцикла был прикреплен прицеп с колесами от полуторки. В прицепе лежал плуг на колесах с тремя лемехами и отвалами, а также две боронки на ширину плуга.

Поравнявшись с командирами, Ярцев похлопал немца по плечу и попросил остановиться.

– Никита Савельевич! Ганс! Это во что вы мотоцикл превратили, а? Мини-трактор прямо! – восхищенно воскликнул Уваров.

– А как вы догадались, Олег Васильевич? – удивился Ярцев, слезая с мотоцикла. – Ах да... вы же с Емельяненко Николаем Яковлевичем современники!

– А ну-ка поподробнее расскажите, Никита Савельевич, – не удержался Климович, – откуда у вас это чудо и куда вы едете?

Довольный вниманием, Ярцев расправил плечи, поправил фуражку и степенно приступил к рассказу:

– Понимаете, товарищи командиры... Как-то пожаловался я Николаю Яковлевичу, что землицы здесь непаханой много, а плуг-то у нас один, да и то с одним лемехом. А с таким плугом да на одной лошадке много не напашешь. Нас же немало, да еще тут местные в гости могут пожаловать, кормить всех надо. Вот он с Гансом и посоветовался, других ребят-мастеровых подключил и кузнецов тоже. Решили они из мотоцикла мини-трактор сделать, плуг увеличить, лемехи и отвалы дополнительные на него соорудить. Долго над этим мудровали, и вот что получилось! Сейчас испытывать едем. Хочу луг возле террас распахать, у меня ведь еще семена остались, и время подходящее, я у жреца уже узнавал!

– А бензин где вы возьмете для вашего мини-трактора, Никита Савельевич? У нас его и так мало осталось, – покачал головой Климович. – Лучше уж двух лошадок взяли бы!

– Так вы же сами приказали сапогон официально гнать вместо бензина, – теперь пришла очередь удивляться Ярцеву, – вот ребята и расстарались! Да я еще такого специалиста нашел – золотая голова у него! Кстати, тоже из вашего времени, Олег Васильевич.

– Уж не доктор ли наш, Янис Людвигович? – усмехнулся Уваров. – Он действительно специалист не только в медицине, но и в сапогоноварении!

– Нет, не доктор. А Игорь Леонидович!

– Слащенко?! – удивленно воскликнул Олег. – Так ведь он бизнесмен! Богатенький Бурадино – кроме туризма, ничем не занимался.

– Выходит, плохо вы его знали, Олег Васильевич, – заметил Ярцев, – а я с ним поговорил по душам – человек и раскрылся. Тяжело ему сначала было, жизнь ведь крутой поворот дала. Все потерял, что нажил... Но постепенно привык по-новому жить и думать. Он нам такие сапогонные аппараты из солдатских термосов и трубок от своей палатки соорудил, что мы уже

сто литров самогона нагнали, да еще какого – градусов под девяносто будет! Спирт, а не самогон! И это только пока за два дня! Все наши машины на нем ездить будут. Вот и наш тракторец на нем пахать едет... Обещал древесный спирт, деготь и скипидар из дерева делать, только оборудование изготовить необходимо... Как сказал Иллайюк, здесь два раза в год урожай картошки собирают. Вот первый в декабре соберем, тогда еще больше развернемся...

Когда Ярцев с Гансом отъехали, Климович признался Уварову:

– Да, Олег Васильевич, плохие мы с вами командиры, если о своих людях так мало знаем... Когда вернемся, надо будет со всеми обязательно еще раз переговорить.

– Я, признаться, даже не ожидал такое узнать. Каюсь, ошибался. Обязательно с ним переговорю. А ведь по Слащенко не скажешь, что он такое может. Надо же мне было о нем у Кожемяки расспросить!

Если персоной Слащенко Уваров не интересовался, считая, что в этой новой жизни холерный бизнесмен ни на что не способен, то чем заняты другие его современники – Павел Кожемяка и Питер ван Лейден, – знал точно. Результат их труда рос прямо на глазах у всех на берегу озера.

Голландец оказался завзятым яхтсменом, большим любителем парусного спорта. Дома он имел яхту и отлично мог управляться с парусами. Вместе с бывшим капитаном морской пехоты Павлом Кожемякой, также любителем походить под парусами, они решили вместо разобранного на бревна первого плота построить новый, лучше. Строительство большой лодки заняло бы много времени, да и досок хороших не было – лесопилку ведь еще до конца не доделали, – поэтому выбрали плот, который в отличие от лодки никогда не потонет, а если и перевернется, то только когда угол наклона составит девяносто градусов. Исходя из местных условий, решили делать капитальный плот-баржу по всем правилам, чтобы мог спокойно перевозить несколько тонн груза и пассажиров. С мачтой и парусом, с возможностью идти на веслах как вперед, так и назад. Также на плоту предусматривалась грузовая площадка и небольшой домик для экипажа на все случаи жизни. Кожемяка предложил установить на плот двигатель от бронетранспортера и сделать колеса гребными. Он собрал вокруг себя команду из десятка таких же любителей воды и парусов. Командование против строительства не возражало. Опыт первого плота показал, что водным путем, используя естественное течение, можно в два раза быстрее добраться до нового форта, чем петлять по дороге вдоль берега. А установив на плот движитель – еще быстрее.

Но пока плот только строился, и отряду пришлось идти по дороге вдоль берега.

В сторону водопада вышли ранним утром следующего дня. Двигались быстро, нигде особо не задерживаясь, так что уже поздним вечером были на мосту возле нового форта. Этому способствовало и то, что ранее, когда Коваленко вел людей на строительство, они попутно отремонтировали и дорогу, расширили ее в узких местах, спилив мешающие деревья, засыпав ямы и выровняв бугры. Кроме того, кавалеристы посадили к себе на лошадей по пехотинцу, а те, кому не хватило места, расселись на двуколках. Пешком никто не шел.

Вместе с отрядом к уаминка шла и Лена Санько. Климович использовал ее в качестве переводчицы в разговорах с Иллайюком и Вайрой. В результате общения с уаминка девушка совершенствовала свои знания языка кечуа, уже почти все понимала и могла уверенно разговаривать с ними.

Ее подруга из двадцать первого века, Светлана Ярвинок, раньше работала в фирме Слащенко бухгалтером, нашла применение своим знаниям и в новом мире. Вместе с Ярцевым и прощенным завхозом райкома Дрынько она вела учет всего имущества и продуктов попаданцев. Вроде работа не пыльная, но без нее никак нельзя. Как говорили в свое время два знаменитых Ильича социализма – Ленин и Брежнев: «Социализм – это учет и контроль», «Экономика должна быть экономной». Этим они и занимались. Правда, электрификацией Новоросска занимались уже другие.

Кроме того, по просьбе Невзорова Света учила детей математике. В книгах, найденных в полуторке Дрынко, обнаружили несколько учебников по истории, географии, математике, русскому языку, физике и химии. Своих детей она пока не завела, поэтому работать с ребятами девушке было интересно. Часто встречалась с Невзоровым в школе и вне ее стен, и постепенно между ними завязалась дружба, которая со временем переросла в любовь. Борису Ивановичу понравились в девушке ее грамотность и эрудированность, спокойный характер и умение общаться с детьми. Света невольно сравнивала бывшего белогвардейского офицера с мужчинами из своего времени. Ее привлекло в капитане уважительное отношение к женщинам, его воспитание, умение держать слово. Эта «старомодность» Бориса Ивановича оказалась решающим фактором в выборе девушки. Одно время к ней сватался Павел Кожемяка, но, поняв, что сердце Светланы расположено к другому, тихо ушел в сторону. Они остались просто друзьями.

Как-то Света призналась подружке, что Леной через Невзорова интересовался ротмистр Новицкий. Вот и сейчас, двигаясь в общей колонне, Лена замечала, как ротмистр все чаще стал поглядывать в ее сторону. Как бы невзначай он на некоторое время задерживал своего коня возле ее двуколки и молча ехал рядом.

«На войне – герой, а здесь как мальчишка, у которого только пушок на губах появился: все стесняется познакомиться поближе, – подумала девушка. – Наверное, не знает, как в моем времени общаются с такими девушками, как я. А Бондарев посмелее будет! Или воспитание сказывается?..»

Начальник штаба уже несколько раз делал попытки сойтись с Леной поближе. Совсем недавно он открыто предложил ей стать его женой, но девушка попросила дать время подумать. У нее и в своем времени было много желающих на ней жениться, но Лена по своей натуре была девушкой переборчивой, предъявляла определенные требования к кандидатам в мужья, и немногие могли похвастаться, что этим требованиям соответствуют. Здесь, конечно, другие условия, но девушка решила, что не будет менять своих привычек. Время все расставит на свои места. Главное – не торопиться с выбором, но и не засидеться в старых девах...

Когда отряд прибыл в форт, то девушек разместили в небольшом домике возле строящейся башни и ворот, где уже жили две женщины-поварихи. Бойцы расположились за его стенами. На такое количество людей строители не предусмотрели жилых помещений, ведь по расчетам гарнизон форта не должен превышать тридцати человек. Службу здесь предполагалось нести вахтовым методом, поэтому и условия были соответствующие. Люди развели костры и готовили ужин. Также расседлали лошадей, давая им возможность отдохнуть после марша и попастьись.

Климович остался доволен осмотром форта. Строительство шло быстро и, по словам, Коваленко, назначенного комендантом временного гарнизона, должно быть закончено в течение двух-трех недель. Главное, чтобы погода не испортилась или люди не заболели.

– А что, уже есть случаи заболеваний? Что же вы молчали! Товарищ старший лейтенант, о таких делах надо немедленно докладывать! – В голосе командира появились недовольные жесткие нотки. – Я попрошу Яниса Людвиговича сегодня же осмотреть всех ваших людей.

Коваленко попытался оправдаться, но за него вступился Бондарев, прибывший в форт вместе с отрядом.

– Я думаю, что имеет место не болезнь, а симуляция болезни. Люди устали или ленятся. Как доложил Синяков, среди личного состава, работающего на строительстве форта, упорно распространяются мысли о ненужности этой работы: якобы мы дружим с местными, зачем от них отгораживаться! Им были выявлены два подстрекателя саботажа. Правда, как только он взялся за них, те сразу же притихли и начали работать.

– Кто такие? – строго спросил Климович.

– Я вам говорил, что с ними будут проблемы. Это бывшие уголовники. Всего их семь человек. Пятеро работали здесь, еще двое пришли сегодня вместе с нами из Новоросска, – доложил Бондарев.

– Как так получилось?! Я ведь приказал распределить их на разные работы!

– Людей не хватает, товарищ подполковник! – оправдывался Коваленко. – Да и поначалу работали они хорошо, ничем не выделялись. Вот я их и взял на свою голову. Теперь жалею об этом.

– Правильно предлагал Новицкий, – произнес Уваров, – шлепнуть надо было – и нет проблем.

– Если мы будем направо и налево расстреливать своих подчиненных, то в один прекрасный день они нас сами расстреляют, – возразил Климович. – Воспитывать людей надо, а не расстреливать. Нас и так мало...

– Лучше меньше, да лучше. Их надо изолировать от остальных или отправить в город, на гауптвахту. Там разберемся, кто чем дышит. Хватит в хороших дяденек играть. Бунт надо давить в зародыше, иначе поздно будет, – жестко предложил Олег. Ему уже порядком надоело это человеколюбие Климовича. Вроде отличный командир, а возится с урками, как с малышами из детского садика.

– Хорошо. Так и сделаем, – неожиданно согласился командир. – Игорь Саввич, организуйте с Синяковым задержание, а также доставку уголовников в Новоросск. С этой целью разрешаю завтра вызвать по рации грузовик из города. Устроим показательный полевой суд за саботаж и невыполнение приказов. Чтобы другим неповадно было. Все. А сейчас ужин – и спать. Завтра с утра выходим...

Едва забрезжил рассвет, специально организованная группа из надежных бойцов во главе с Бондаревым и Синяковым попыталась задержать уголовников. Но все попытки найти их оказались безуспешными. Все исчезли. Еще ночью. Кто-то мог их предупредить или чутье такое у них оказалось, осталось непонятным. Вместе с уголовниками исчезла небольшая часть продуктов и один ящик с патронами, приготовленный в дорогу. На удивление, оружие ни у кого не пропало.

– Значит, у них своего хватает. Украли раньше, еще в городе. – Климович был недоволен, когда ему доложили о случившемся. Шли на помощь союзникам, предстояло ведение боевых действий в новых для всех условиях, а тут у самих проблемы в тылу. – Игорь Саввич. Оставайтесь здесь. Организуйте надежную охрану форта и спуска в долину к уаминка. Оповестите Бажина в городе. Пусть примет соответствующие меры. Разрешаю приостановить строительство для проведения поисков. Может, это и к лучшему. Теперь наша совесть чиста. Они сами себе подписали приговор. Разрешаю открывать огонь на поражение. Врагов надо уничтожать. Все. Мы выступаем...

На сборы и завтрак ушло полчаса. Спустившись в долину, отряд двинулся по тропе «посвященных» к Уаман-канча. Вместе с ними ушли домой и все уаминка, дежурившие внизу. Сейчас каждый воин племени был на счету.

Строительство форта пока приостановили. Бондарев усилил гарнизоны дзотов до четырех человек в каждом. Кроме того, каждый дзот имел по пулемету. На мосту выставили дополнительный пост. По рации из Новоросска вызвали подкрепление и Трохимчука с Мухтаром, но Бажин сообщил, что помощь может прислать только завтра. Людей катастрофически не хватало, все были заняты. Организовали две поисковые группы с целью прочесывания местности, во главе с Коваленко и Синяковым. Но проводимые целый день поиски результатов не дали. Даже обследовали заброшенные каменоломни, но все тщетно. В форт бойцы вернулись уставшими и злыми. Урки как в воду канули. Но уйти к уаминка они не могли: единственный спуск в долину находился под охраной. Значит, ходят где-то рядом или пошли к городу. Но тогда

какой смысл вообще уходить? Долго вокруг озера они петлять не смогут, все равно попадутся рано или поздно. Их без внимания не оставят. Никому не нужна такая заноза в теле.

Движение отряда по тропе «посвященных» немного замедлилось. Дорога явно требовала ремонта. Если пешим воинам-уаминка она была привычна, то попаданцам пришлось спешиться и идти на своих двоих. Да еще колеса двуколки все время застревали между камнями. К вечеру вышли к бывшей стоянке группы Новицкого.

Вайра рассказывал и показывал своим новым друзьям, где они с Юску наблюдали за первыми виракочами, где на них напала пума и он был ранен. Большую часть рассказа составляли жесты и передвижения по поляне. Но Макс с Андреем его все-таки поняли. Еще в Новороске Андрей подарил сыну вождя трофейный немецкий штык-нож, такой же, как и у Макса. Восхищению Вайры не было границ. Он так радовался, что умудрился лезвием ножа порезать себе палец. Вид собственной крови еще больше возбудил уаминка. Если бы всем воинам племени такое оружие! А еще лошадей, и шашки, и винтовки! Как у виракочей! Все бы боялись уаминка и платили им дань!

Горячий пыл Вайры охладил проходивший мимо Иллайюк. Не пристало будущему вождю так себя вести. Свои мысли и чувства надо держать при себе. Никто не должен видеть вождя взволнованным, чтобы не подумали, будто он слаб и не знает как поступать. Человек по своей природе слаб, он всегда хочет чего-то, что ему не принадлежит: богатства, чужих женщин, власти, лучшей пищи и одежды; он хочет быть выше, чем другие, такие же, как и он.

Не успели расположиться на отдых, как на тропе, со стороны Серебряного ручья, показалась небольшая группа уаминка с маленьким караваном. Среди них находились и две девушки. Один из воинов был непривычно высок для уаминка. На груди у него висел автомат ППД.

– Ешкин кот! Так это же Семен Аксенов!

Кроме девушек и Аксенова пришли еще два молодых воина-уаминка, подгонявших несколько лам с поклажей. К Аксенову прижимался парнишка лет двенадцати-тринадцати, одетый как уаминка, но с непривычно коричневой кожей и черными волосами.

Увидев своих, уаминка, шедшие с отрядом, бросились к прибывшим с расспросами. Бойцы же с интересом стали рассматривать девушек. К мужчинам-уаминка они уже привыкли, а вот местных женщин видели в первый раз. Те им понравились, так как со всех сторон слышались слова восхищения. Аксенова сразу же затребовали к себе командиры. Попросив девушек остаться среди своих, Семен направился к Климовичу и Уварову. От него ни на шаг не отставал смуглый пацаненок, пугливо озираясь по сторонам от такого количества новых для него белых людей.

Переговорив с пришедшими воинами, Вайра облегченно вздохнул и подошел к новым друзьям с хорошей новостью:

– Все. Война – нет. Мы – победа. Гуаро – смерть.

– И что нам теперь делать? Назад возвращаться? – разочарованно спросил Макс у Андрея. Ему так хотелось поучаствовать в первом в своей жизни бою... Увидеть войну с дикарями вживую, а не по телевизору или на компе.

– Не надо назад. Домой к Вайра. В гости, – предложил радостный уаминка.

– Можно и в гости. Но это не нам решать, – вздохнул Андрей. Сейчас, в отряде, он был не кавалеристом, а командовал минометным взводом. Ему также хотелось испытать себя в битве с дикарями и побывать в гостях у радушного народа уаминка.

Подойдя к Климовичу, Аксенов доложил:

– Товарищ подполковник, разрешите доложить. Ефрейтор Аксенов. По приказу подполковника Антоненко выдвигаюсь с семейством в место постоянной дислокации.

– Постой, Аксенов, с каким семейством? – не понял Алексей Аркадьевич.

– Аксенов, давай по порядку. Где Николай Тимофеевич? Что с нападением дикарей? – подсказал Уваров. – Про семейство потом расскажешь.

– Виноват. Значит, так...

Пограничник подробно рассказал о сборах на войну и о последующей победе над людоедами-гуаро на берегу реки. Сообщил, что Антоненко и Роговой сейчас находятся в соседнем племени уанка, на похоронах сына вождя, погибшего в битве. Он же, по приказу Николая, доставляет спасенного тем мальчишку-гуаро в город попаданцев. Пацаненок, словно поняв, что речь идет о нем, вышел из-за спины Аксенова и предстал перед командирами, глядя на них смысленными глазенками.

– Так. Понятно. Значит, зря мы торопились. Уаминка сами справились. Что делать будем, Олег Васильевич? – спросил Климович.

– Я думаю, что возвращаться с полпути нет смысла. Не зря же мы людей сюда загнали – неправильно поймут. Надо продолжить поход. Но теперь уже с визитом вежливости, в гости к нашим союзникам. Пусть наши люди себя покажут, да и на жизнь местного населения посмотрят. А то живем как в клетке. Осваиваться нам необходимо в этом мире, а без таких путешествий это невозможно, – предложил Уваров. Затем снова переключился на Аксенова: – А что ты там про семейство-то говорил?

– Так вместе со мной невесты мои, из местных. Сиса и Кукури. По местным обычаям, свадьба только через год. Но уже можно жить, как муж и жена...

– Что, уже успел? И сразу с двумя? А они не ревнуют друг дружку?! – удивленно воскликнули командиры.

– Не-а. Здесь так принято. Баб много, а мужиков мало...

– Ну, теперь наших бойцов из племени не выгонишь, пока каждый себе по две жены не найдет! – рассмеялся Климович. – И зачем ты их с собой прихватил? Точно – никто без женщин не вернется!

– Это еще один повод продолжить поход и исправить демографическую ситуацию в Новороске! – поддержал идею Уваров. Правда, Олегу больше хотелось встретиться с Николаем и поподробнее расспросить его обо всем случившемся, а также о сделанных другом выводах.

– А хватит ли на всех женщин? – шутки ради поинтересовался подошедший Новицкий.

– Хватит. У них на каждого мужика по две-три жены. А молодых девок еще больше. Они даже на войну ходят, как парни. Мои тоже с нами ходили. Прямо как амазонки, – пояснил Аксенов. – У них все мужчины должны быть женаты, а женщины – рожать детей, чтобы воинов больше было, иначе племя соседи уничтожат.

– Понятно. Значит, будем увеличивать рождаемость местного населения, – улыбнулся ротмистр.

Пока Аксенов докладывал командирам, Сиса и Кукури с помощью воинов, выделенных отцом Сисы для сопровождения, из крупных листьев и веток деревьев соорудили два довольно крепких шалаша. Лена, Варя и Оксана, сторая от любопытства, прибежали знакомиться с местными девушками. С помощью Лены им довольно быстро удалось найти общий язык, тем более что девушки, благодаря Семену, уже немного научились говорить по-русски. Сначала Сиса и Кукури дичились, но потом освоились и уже бойко щебетали, выдавая все женские тайны их народа.

Весь лагерь порадовал и одновременно разочаровал успех союзных племен. Радовала победа над гуаро, а разочарование было связано с неучастием отряда в битве. А может, оно и к лучшему? Положа руку на сердце, попаданцы сознавали, что еще не были хорошо подготовлены воевать в новых для себя условиях.

После доклада Аксенова вышли на связь с фортом. Бондарев доложил, что найти уголовников пока не удалось, но поиски продолжат на следующий день, когда подъедет помощь из города. Напрямую с Новоросском связь установить не получилось. Слишком далеко зашли.

Посоветовавшись, решили с утра продолжить поход в Уаман-канча, а Аксенов со своими пойдёт в форт, чтобы оттуда их отвезли в Новоросск уже на автомобиле.

Единственным человеком, которого не покидало беспокойство в такой радостной для всех ситуации, был Янис Людвигович Баюлис. Как врач, он понимал, что при встрече разных по уровню развития цивилизаций неизбежны инфекционные и другие заболевания, влекущие за собой смерть многих людей, а то и полное вымирание целых народов, что в истории человечества происходило неоднократно. Хотя все попаданцы и были им предупреждены о необходимости поменьше вступать в контакт с местными, перед приемом пищи обязательно мыть руки и пить только кипяченую воду, но предупредить – это одно, а в жизни бывает все наоборот. Немного успокаивало доктора состояние Аксенова, проведенного среди уаминка не один день. При осмотре его и прибывших с ним Баюлис не обнаружил никаких отклонений в их здоровье. Но береженого Бог бережет...

– Послушай, Крест! Как ты учуял, что сваливать надо? Если бы не ты, повязали бы нас вертухай!

– Чуйка у меня есть. Одним местом чую, когда меня замести хотят. Вот поэтому я живой и на воле.

– А как же ты на кичу загремел? Что, чуйка подвела?

– Да нет, сам виноват. На «малине» нажрались вусмерть вместе с бабами. Одна из этих шар нас ментам и сдала. Так и повязали сонных...

– Да. Если б немец так быстро не пер, точно бы нас в том сарае всех постреляли. А так, менты больше за свою шкуру боялись, смылись раньше...

– Ты, Махоня, расскажи лучше, как вы с Ляхом рыжье да цацки взяли!

– Да, веселенькое дельце провернули! Без шума и пыли. Лях ведь по масти – шнифер, домушник. Я с ним раньше под Харьковом чалился. Мы, как узнали, что вояки к вам идти собираются, сразу же к ним примазались, типа в помощь. Ночью, перед выходом, пошли на дело. Я – на стреме, а Лях – через крышу, и в хату. Вертухай даже не заметил, дрых как сурок. Хоть Лях и шнифер, но сейф ломанул. Взяли все. Утром вместе с вояками ушли сюда и стволы захованные прихватили. Форшманулись вояки с цацками-то! Ха-ха! Че делать-то будем?

– Валишь отсюда надо. Чем быстрее, тем лучше. Эти джунгли – что наша глухая тайга. Не пропадем. Не с таких зон бегали. Я с парнями уже перетер, все согласились к дикарям идти. Но не к этим. Других найдем. Здесь местные нас за богов держат. Так что заживем по-царски! Я уже и стежку наметил, когда наверх поднимался, в башню. Завтра с ранья и двинем, пока сюда вертухай не добрались...

– Сначала баб с собой возьмем! Я медичку хочу прихватить, она меня раньше отшила!

– На хрена тебе эти нужны? Других найдем!

– Нет. Наказать ее хочу!

– Ладно. С Земой и Шпырем за ней пойдешь. Будем вас ждать у правого дзота...

Утром, попрощавшись с Аксеновым и его семейством, отряд двинулся в сторону Серебряного ручья. К полудню вышли к висячему мосту через неглубокое ущелье, по дну которого текла неширокая, но быстрая речка – Серебряный ручей.

Иллайюк послал несколько воинов в крепость: известить Синчи Пума о прибытии виракочей и чтобы привели вьючных лам. Двуколки пришлось оставить на этой стороне, через мост их не переправить. Лошадей переводили по одной, с большими предосторожностями, чтобы, не дай бог, нога не провалилась сквозь настил моста, сделанный из сплетенных лиан, травы и веток. Иначе лошадь испугается, задержится и упадет с моста. Когда благополучно переправились, весь груз навьючили на лошадей и подошедших лам. Дальше все двигались только пешком.

Не успел последний боец перейти через мост, как к Климовичу подбежал радист.

– Товарищ подполковник, срочное радио от начальника штаба! Но связь плохая...

Бондарев извинился, что не смог раньше выйти на связь. Отряд оказался в низине, где радиостанция «не брала». Начальник штаба сообщил неутешительные новости.

Сегодня под утро, когда все еще спали, урки напали на форт. Такого от них никто не ожидал. Были убиты часовой и случайно вышедший из барака старший лейтенант Коваленко. Похищены две молодые женщины: прибывшая с отрядом медсестра и одна из поварих. Вторую повариху, что была постарше, зарезали в домике, где жили женщины. Также был полностью вырезан и гарнизон одного из дзотов, четыре человека. Сначала убили часового, остальных зарезали сонными. Похищено личное оружие с боеприпасами и продовольствие. Урки ушли к водопаду и дальше, по ручью. В погоню выслана группа из пятнадцати бойцов во главе с Синяковым. По следам ведет группу охотник Будаев. О происшествии Бондарев сообщил и в Новоросск. Недавно грузовиком прибыл Дулевич, десять бойцов и Трохимчук с собакой. Они также пошли по следу уголовников. На охране форта и дзотов осталось всего несколько человек вместе с Бондаревым.

– Мать вашу! – не выдержал Климович в присутствии командиров. – Семь человек потеряли! Без единого выстрела и войны!

– Расслабились ребята без войны-то, вот и поплатились за это жизнями... Но девчат спасать надо! Шанс догнать есть. Урки местности не знают, с грузом идут. Будут двигаться строго вдоль воды. По-другому через джунгли им не пройти. Сюда не сунутся, побоятся. Мы их перехватить сможем. Надо просить помощи у уаминка, чтобы проводников дали. Тогда догоним, – предложил Олег.

– Я вам предлагал их расстрелять. Но вы решили по-другому. С такими людьми церемониться нельзя. Только пуля... – заметил Новицкий.

– Время уходит, – нервничал командир полка. – Хоть назад возвращайся...

– Товарищ подполковник! А может, Вайру и его воинов попросить? Они тут каждый куст знают, быстрее нас найдут! – вклинился в разговор Григоров.

– Хорошо! – совладал с собой Алексей Аркадьевич. – Лейтенант Попов, подберите с десяток самых выносливых бойцов и будьте готовы вместе с уаминка двигаться на перехват. Понимаю, что устали, но дело не терпит отлагательства. Позовите Елену Владимировну, Иллайюка и Вайру.

Когда подошли старший жрец и сын вождя, Климович рассказал им о сложившейся ситуации и попросил помочь перехватить бандитов. Внимательно выслушав перевод, Иллайюк задумался. Затем, разровняв небольшой клочок земли, рукоятью топорика стал рисовать на нем план местности, иногда что-то уточняя у Вайры. Когда он закончил, то с помощью Лены сообщил:

– От водопада предков ручей течет вот сюда. Здесь он соединяется с Серебряным ручьем, который, протекая по долине, дальше впадает в Большую реку, текущую вниз. Она, кстати, в верховьях протекает мимо Священной долины богов. Вокруг горы с непроходимыми джунглями...

– А где они сейчас могут быть?

– Если выйти утром от водопада и идти по ручью, то к вечеру они попадут к месту слияния с Серебряным ручьем. Вот сюда. От нас туда идти половину дня...

– Вайра! Ты сможешь до вечера туда дойти? – с надеждой поинтересовался Климович.

– Конечно! Я там часто охотился. Мы раньше будем! – гордо ответил сын вождя.

– Но... – продолжил Иллайюк. – Если они свернут от ручья и пойдут к Большой реке напрямую, через джунгли и горы, вот здесь самое узкое место и перевал... то скоро будут на берегу Большой реки. А там построят плот и – вниз по течению... Я бы так сделал, если бы захотел побыстрее и подальше уйти.

– А дальше, по течению Большой реки, перехватить их возможно? – задал вопрос Уваров.

– Ни уаминка, ни уанка не могут. Граница наших земель – Большая река. Дальше мы не ходим, там живут другие племена. Если мы туда пойдем, будет война. Она сейчас нам не нужна. У нас там только в одном месте есть выход к реке. Но туда вам идти два дня. Не успеете. Оттуда напали гуаро, – спокойно ответил жрец.

– Ладно. Не будем время терять. Вайра, Попов: берите людей – и на перехват. Надеюсь, что до второго варианта урки не додумаются... Если их не найдете, то возвращайтесь в Уаман-канча. Мы пойдем дальше, к Синчи Пума. – решил Климович.

Когда группа перехвата скрылась в лесу, отряд начал движение по дороге к Уаман-канча.

Весь город высыпал на крепостные стены-террасы, чтобы посмотреть на такое количество виракочей и их крупных животных. Обе стороны с интересом разглядывали друг друга. Навстречу гостям, в сопровождении старейшин племени, вышел вождь в праздничных одеждах. Иллайюк с помощью Лены представлял гостей и хозяев. Обменялись соответствующими местным традициям приветствиями и подарками. На предложение Синчи Пума разместиться в крепости Климович, посоветовавшись с командирами и вняв настоятельной просьбе Баюлиса, вежливо отказался, разместив отряд на небольшом лугу напротив города. Свое решение он объяснил вождю тем, что лошади не смогут находиться в крепости, где для них тесновато. Да и люди еще не привыкли друг к другу. Синчи Пума не стал возражать и приказал все приготовить для проведения всеобщего праздника перед крепостью. Постепенно уаминка и попаданцы знакомились друг с другом. Парни высматривали себе будущих невест, а девушки выбирали женихов.

Особый интерес у женщин-уаминка вызвали Лена, Варя и Оксана. Местные словно сравнивали себя с ними, прицениваясь, кто лучше и красивее. Так сказать, скрытое женское соперничество. Но большой разницы не заметили, разве только в одежде и прическах.

Особый восторг у женщин вызвало знание Леней языка кечуа. Хотя между собой уаминка разговаривали на своем языке, но кечуа также знали все. Больше всего наших девушек смущали вопросы уаминка: чьи они жены, где их мужья и есть ли у них дети? Ведь в таком возрасте каждая уважающая себя девушка должна быть замужем и иметь хотя бы одного ребенка. Попаданкам пришлось, пряча глаза, немного покраснеть. Лена попыталась объяснить, что они все холостячки, мужьями еще не обзавелись, поэтому и детей ни у кого пока нет. Но все обязательно будет, просто в их народе не принято так рано выходить замуж и девушки привыкли долго выбирать себе мужа. Такой странный обычай очень удивил женщин-уаминка. Одна из них даже сказала, что это глупый обычай. Пока девушка будет ждать или долго выбирать, то быстро состарится и тогда точно ее никто замуж не возьмет. Да и детей в зрелом возрасте рожать тяжелее, чем в молодости. Несмотря на это, гостей приняли радушно, со всем вниманием, и повели показывать свои жилища.

Привезенные подарки очень понравились вождю и старейшинам. Это были взятые еще в Новоросске ситец, шелк, атлас и бархат. Попаданцы привезли с собой также посуду из фарфора и стекла. Лично Синчи Пума подарили одну из соболиных шуб, красивый персидский ковер и специально изготовленный кузнецами Новоросска стальной топорик на длинной рукоятке, сделанный по виду топорика Иллайюка, но с более широким лезвием. Из всех подарков вождю больше всего пришелся по душе именно он. Такого крепкого и острого оружия не было ни у кого из живущих на этой земле народов. Вождь сразу же попросил для своих воинов побольше таких топориков и кинжалов, какой раньше подарил ему Новицкий. Алексею Аркадьевичу пришлось немного слухавить, обещав подарить их и другим уаминка, но попозже. А женам вождя и старейшин подарили часть красивых украшений, изъятых в свое время у Дрынько. При этом, выбирая украшения по просьбе Климовича, Екатерина Валерьевна делала ставку именно на художественную ценность предмета, его красоту, а не на материал, узнав заранее у

Иллайюка, что золото и серебро как таковое для уаминка особой ценности не представляет. Большую же часть драгоценностей оставили в Новоросске, в помещении штаба, в сейфе.

К тому времени когда попаданцы разместились и немного отдохнули с дороги, вынесенные из города ковры и циновки уже были заставлены посудой с различными яствами. Общий пир начался с приветственных речей Синчи Пума и Климовича, которые переводили Иллайюк и Лена.

Не успели немного выпить местного пива и закусить, как вдруг Синчи Пума стал серьезным. Его взгляд устремился вдаль. Такой же вид принял и сидящий рядом Иллайюк. Алексей Аркадьевич сначала подумал, что это как-то связано с разладом в стане виракочей, но, оглянувшись по сторонам, пришел в недоумение. Все уаминка: и мужчины, и женщины, замерли, глядя в ту же сторону, что и вождь. Следуя их примеру, туда же посмотрели и попаданцы.

По довольно широкой тропе, уходящей к одной из крепостей, расположенной на границе с уанка, к Уаман-канча бежал воин. По мере приближения бег его замедлялся, и становилось заметнее, что он бежит из последних сил. Когда воин приблизился, то все сидящие вскочили на ноги. Одежда бегуна была разорвана, а сам он с головы до сандалий покрыт кровью. Последние метры до вождя воин преодолел шатаясь и еле передвигая ноги. Перед тем как обессиленным упасть на руки своих соплеменников, он прохрипел:

– Гуаро!

Глава 3

Николай впервые присутствовал на таких похоронах. Проститься с погибшим сыном вождя Асту и другими воинами пришел чуть ли не весь народ уанка.

Как уже раньше заметил Антоненко, уанка не особо отличались от уаминка. За то недолгое время, что виракочи и уаминка находились в городе-крепости уанка, Качи рассказал ему легенду о возникновении соседнего племени.

Когда-то, очень давно, когда был еще жив дед его деда, эти два племени составляли один народ уаминка. У вождя было два сына, рожденных одной женщиной в одно время (как понял Николай – двойняшки). С самого детства братья не мирились и соперничали друг с другом. Вождю стоило многих усилий, чтобы примирить их. На словах сыновья обещали дружить, но на деле соперничество продолжалось. И вот, когда старый вождь умер, каждый из братьев объявил себя вождем. За каждым из них стояли отряды преданных воинов. Старейшины и жрецы уаминка никак не могли выбрать самого достойного из них, чтобы тот стал вождем. Оба были достойны. Чтобы избежать братоубийства, верховный жрец обратился за помощью к богам: как поступить, чтобы каждый из братьев не был ущемлен и не пролилась братская кровь? Три дня и три ночи ждал жрец ответа богов, находясь в трансе на вершине горы великанов в Священной долине богов. На четвертый день боги ответили: вождем станет тот из них, кто первым по неширокой тропе закатит на вершину горы огромный камень. Тот, кто будет вторым, должен вместе со своими людьми уйти на два дня пути и построить новый город в другой долине. И вот оба брата начали толкать свои камни наверх. Поднимались они одинаково, плечо к плечу, но не толкаясь и не мешая друг другу. Спор должен быть честным, иначе боги не простят коварства и обмана. Когда до вершины оставалось совсем немного, один из братьев стал отставать. Второй вырвался вперед. Вдруг позади раздался крик. Обернувшись, он увидел, что нога брата попала в трещину, от боли тот опустил руки, и камень навалился на него, грозя раздавить насмерть. Оттолкнув свой камень в сторону, брат поспешил на помощь брату. Вместе они подняли камень и закатили его на вершину горы. «Тебе быть вождем. Твой камень оказался на вершине горы. Я должен уйти», – сказал тот, кто бросил свой камень ради спасения брата. «Нет, брат. Ты вождь. Если бы не моя нога, ты был бы первым. Это я должен уйти», – сказал второй. Его звали Уанка. На следующий день Уанка собрал своих воинов с семьями и ушел в эту долину, построил новый город и дал ему свое имя – Уанка-канча – Гнездо Уанка. С тех пор братья жили дружно, помогая друг другу во всем, и не было больше между ними соперничества. Так же, как и их предки, уаминка и уанка живут дружно, помогая друг другу.

– А почему уанка немного отличаются от вас? – в конце рассказа поинтересовался Николай.

– Мы выше в горах живем. И почти ни с кем не смешиваемся. А долина уанка ниже нашей. Они чаще с другими племенами общаются и женщин чужих в жены чаще берут. Вот и стали отличаться, – пояснил Качи. – Но боги у нас одни!

Особой разницы в одежде или в причёске Антоненко также не заметил. Только головные повязки у уанка были другой расцветки и накидки не зеленые, а серые. У женщин-уанка платья были немного короче и помпончики в волосах другого цвета.

К своему удивлению, на некоторых женщинах-уанка Николай заметил одежду не из шерсти альпака или викуньи, а из хлопка. Но ведь хлопок здесь не растет! Значит, такую ткань привозят из другого места, а уанка занимаются товарообменом и с другими племенами, не только с уаминка! Надо будет обо всем узнать поподробнее...

Похороны проходили в соответствии с местным обычаем, который в общих чертах не особо отличался от традиций других народов. Смерть близкого человека – всегда горе и слезы.

Перед тем как погибших или умерших от ран отнесут на кладбище, жрец племени ритуальным ножом вырезал из их груди сердце, передавая его родственникам погибшего воина. Сердце хранилось в специальном глиняном сосуде, который ставили в доме на самом почетном и видном месте. Погибшего одевали в чистую одежду и несли на носилках к соседней горе, где в склоне были вырублены узкие террасы с глубокими нишами-склепами. У каждой семьи был свой склеп.

Труп заворачивали в материю, а на внешней стороне рисовали лицо. Все это выглядело как сверток-мумия. Труп помещали таким образом, как будто он находился в утробе матери – цикл жизни завершен и человек пришел к тому, с чего начал. Вместе с умершим клали его любимые вещи, одежду, золотые изделия, счастливые талисманы, оружие, продукты на блюдах и кувшины с чичей.

Перед тем как занести тело в нишу-склеп, его клали на большие прямоугольные камни, размещенные у подножия горы. Родственники погибшего подводили к жрецу годовалую ламу, и он обводил ее несколько раз вокруг камня, читая молитву, а затем перерезал ламе глотку. Это была жертва богам. Такую ламу не ели, ее сжигали на разведенном рядом жертвенном костре. По поверью, лама должна помочь душе погибшего воина вознестись к богам на небо.

Как пояснил Качи, раньше наиболее значимым и действенным считалось жертвоприношение живого человека из числа пленников. Но со временем от человеческих жертв отказались. Большей доблестью стало считаться убить врага в бою, а не на жертвенном камне. Поэтому ни уаминка, ни уанка никогда не брали пленных.

После завершения погребальной церемонии люди разделяли совместную трапезу. Женщины, близкие родственницы покойного, в знак траура обрезают себе волосы и бросали их в жертвенный костер, рыдали, выли и восхваляли усопшего. Гостям предлагали еду и напитки, после чего исполнялись грустные песни, переходящие в танцы, напоминающие больше топтание на месте.

Для придания танцам ритмичности использовались музыкальные инструменты: различного вида флейты, как одиночные, так и выстроенные в линию по убывающей длине, изготовленные из тростниковых трубочек или глины, медные и серебряные колокольчики, барабаны из кожи лам, а также большие морские раковины.

Антоненко вместе с Роговым и Качи находились возле вождя племени уанка по имени Анко Альо. Качи был родственником Анко по матери и поэтому вместе с другими членами семьи провожал в последний путь его сына Асту.

Среди окружавших их уанка Николай заметил молодую женщину. Что-то давно виденное и потом забытое, но почему-то родное кольнуло его сердце. «Дежавю, что ли?» – подумал он. Для Николая все вокруг вдруг стало происходить, как при замедленном просмотре кинофильма. Вот девушка прошла вперед, взяв в руки бронзовый нож, спокойно отрезала свои не очень длинные косы, бросив их в жертвенный костер. В отличие от других женщины семьи, она не голосила, а молча отошла в сторону. И только огромные слезы, катившиеся из красивых, но печальных глаз, говорили о пронзившей ее сердце и душу боли утраты.

– Маша?! Ты?! – вскрикнул Николай. Он не верил своим глазам. Перед ним стояла его любовь, его Машенька, но не та, с которой он совсем недавно расстался, а совсем другая. Та, первая, из его молодости, самая любимая. Те же светло-каштановые волосы до плеч и огромные бездонные зеленые глаза...

От его вскрика девушка на мгновение замерла, отстраненно посмотрела на Николая и прошла дальше.

– Николай Тимофеевич? Вы чего? – тронул за руку командира стоявший рядом Роговой. – Случилось что?

– А-а... Да... Нет! – овладел собой Антоненко. – Так. Показалось. Вася, узнай у Качи, кто эта девушка. Очень надо.

– Хорошо, командир.

Когда погребальная церемония завершилась, Николай снова увидел девушку, так похожую на его первую любовь. Она подошла к вираочам и вручила огромное глиняное блюдо-поднос с мясом, очень похожим на кроличье, в сопровождении кукурузы, картошки и различных овощей со специями. Вместе с блюдом в руки попаданцев перешел и довольно вместительный кувшинчик местного пива. Подавая еду, девушка вновь посмотрела на Антоненко, но уже не отстраненно, а оценивающе, как смотрят женщины, уже побывавшие замужем.

– Посмотрела, словно рублем одарила. Красотка, – причмокнул губами Роговой.

– Да ладно тебе, – как-то отрешенно проговорил Антоненко. – Узнал что-нибудь или нет?

– Что, за душу взяла, командир? Такая – может! – улыбнулся Василий. – Узнал. Ее Тани зовут. Горный цветок, по-нашему. Она старшая дочь вождя. Асту был ее любимым братом. Она вдова. Два года назад муж у нее погиб. В пограничной крепости при отражении нападения соседей. По-нашему, начальником заставы был. Есть сын, семь лет. Другие воины, и даже Качи, хотели ее в жены взять, но она не хочет. У отца живет. Девушка с характером.

– А у вождя кроме нее и Асту еще дети есть?

– Еще одна дочь. Но та совсем пацанка, лет десять, не больше. Раньше был еще один сын, но он умер от болезни. Как Качи сказал: если у Анко больше сыновей не будет, то после его смерти вождем может стать муж старшей дочери, если такой будет, конечно, или ее сын, когда вырастет. Такой порядок у уанка. А если и их не будет, то тогда совет старейшин нового вождя изберет из лучших воинов. Так что есть вакансия, командир!

– Не болтай лишнее. У людей горе, а ты как вшивый про баню! Лучше спроси у Качи, что это за кролик такой; не пойму – я их здесь не видел! – Николай решил переключить разговор на другую тему.

– Обижаете, Николай Тимофеевич! Я уже поинтересовался. Только не падайте в обморок, – загадочно подмигнул Роговой. – Это куй!

– Чего? – почти неприлично звучащее по-русски слово «куй» вызвало у Антоненко соответствующие ассоциации. – Ты что, издеваешься?

– Никак нет, товарищ подполковник! Это местные своих зверьков, а по-нашему – морских свинок, так называют. Да вы их видели – вечно под ногами целыми стадами путаются. Что у уаминка, что здесь! – серьезно ответил Роговой. – Честное комсомольское! Они их откармливают и потом едят как кроликов. А ведь вкусно!

– Ладно! Давай, доедай свой куй и пошли к Качи. Узнаем, когда домой возвращаться будем, а то мне тут как-то не по себе уже становится, – закрыл тему разговора Николай.

Переговорив с Качи, решили уходить в Уаман-канча завтра с утра. И так уже загостевались у уанка четыре дня. Пора и честь знать. А тут еще увиденная бойня и похороны тоску нагнали. «Чем старше становлюсь, тем сентиментальнее», – загрустил Николай. Ему и Роговому, как гостям, отвели отдельное помещение под ночлег. Приставленные к ним Синчи Пумой воины-уаминка расположились на шерстяных одеялах возле входа в дом. Если, конечно, эту круглую низенькую башенку, вроде монгольской юрты, но каменную и с соломенной крышей, можно назвать домом. Все услуги – на улице. Вода – в глиняном кувшине. Душ – с шумом протекает рядом с гор. Ложе – травяная циновка с шерстяным одеялом...

Не жизнь, а радость первобытного строя, мать его так! Что-то ты раскис, Коля, если тебе местная дикарка уже лучшей красавицей показалась... Уж не хочешь ли ты, старый пенек, пойти по стопам Аксенова? Молодость вспомнил – старый конь борозды не портит, но и глаубоко не пашет? Не по твоим годам деваха эта... Да и стряпня местная уже надоела, борщiku хочется. Пора возвращаться домой!

Чтобы как-то отвлечься от грустных мыслей и заснуть, Николай стал вспоминать и анализировать все, что удалось ему узнать за это время про уанка. Сколько их, место расположения, чем занимаются, с кем дружат, с кем воюют, чем торгуют и так далее. Уже когда мозг

практически отключился, а тело погрузилось в сон, в голове проскочила тайная мыслишка: женись на Таньке-Машке и станешь вождем! Тьфу ты, сгинь, нечистая! Спать давай!

– Николай Тимофеевич! Вставайте! Тревога!

– А? Что? – ничего не понял спросонья Антоненко. – Чего орешь над ухом?!

– Тревога, говорю! – обиделся Роговой. – Анко и Качи воинов в поход собирают! Опять кто-то на них напал!

– Да е-мое! Дадут когда-нибудь этим людям спокойно пожить?.. Кто там еще их сожрать захотел?!

Быстро одевшись, оба вышли из дома.

Город-крепость Уанка-канча был немного меньше, чем город уаминка. Высота его крепостных стен не превышала семи метров. Так же, как и в Уаман-канча, эти стены были одновременно и террасами. В город вели два прохода шириной чуть больше трех метров каждый. Но в отличие от крепости уаминка в Уанка-канча не было цитадели. У попаданцев сложилось впечатление, что этот город построили не очень давно, не больше пары сотен лет назад. Камни крепости были меньше размером, и дома не слишком старые. Так что легенда, рассказанная Качи, могла быть реальностью.

Город располагался на крутом, закрытом с трех сторон утесе, перекрывая перевал через горный хребет и возвышаясь над практически плоской долиной продолговатой извилистой формы, примерно километров семь в длину и три в ширину.

Треть долины возле города была очищена от леса и обработана под выращивание кукурузы, картофеля и других культур. Семена недавно были посажены и еще не взошли, так что поле выглядело более-менее ровным. «Незамеченным к городу враг не подберется, разве только ночью, – отметил про себя Николай. – Раздолье для казачков Новицкого!»

Через Уанка-канча протекали два ручья, бьющих из горы. Они спускались в долину и, огибая ее по краям, сходились в один большой ручей в ее конце. Обрамляли долину отвесные горные хребты, где вблизи города на склонах также имелись сельскохозяйственные террасы. Ручей, спускаясь по неглубокому ущелью из долины, протекал в сторону крепости уаминка, а затем, собирая по дороге другие ручейки, сворачивал вниз к утесу, с которого ранее Антоненко наблюдал за гуаро, и далее впадал в Большую реку. Но все это занимало километры и километры гористой местности.

В долину уанка можно было попасть либо через перевал, расположенный за крепостью, либо поднимаясь снизу, через ущелье между двумя хребтами. Можно также пройти по хребтам над ущельем и потом спуститься по горным тропам вниз, но этот путь был более опасен из-за отвесных скал.

Селения, ранее захваченные гуаро, располагались как раз на входе и выходе из ущелья. Но сейчас они были брошены, так как вождь забрал всех в Уанка-канча. Имея горький опыт нападений на свой народ, вождь Анко Альо соорудил каменную стену, перекрывавшую практически все ущелье, за исключением ручья, где проход завалили срубленными деревьями. Может быть, для местных жителей она и была своеобразной защитой, но, оглядев ее ранее, вираючи только усмехнулись. Забор высотой в два метра наш боец без посторонней помощи легко преодолевает на учебной полосе препятствий. А Роговому и Антоненко, при их почти двухметровом росте только подпрыгнуть...

Увидев Качи, Николай поинтересовался:

– Что за шум, а драки нет?

Племянник вождя сначала не понял, но, когда Роговой перевел, пояснил:

– Сегодня утром посты, расположенные над ущельем, заметили сигнальный дым с утеса у Большой реки. Опять гуаро к нам идут.

– За помощью посылали к Синчи Пума?

– Нет. Только в нашу крепость, предупредить. Анко Альо говорит, что гуаро мало. Они больше двух-трех сотен никогда не приходили. Сам справится. Да и у меня сотня воинов есть. Вместе разобьем, – уверенно проговорил Качи. – Воины больше голов отрежут. Славы больше будет!

– Не делите шкуру неубитого медведя, – произнес Николай. – Что-то мне это не нравится. Мы с вами пойдем.

– Зачем! – рассмеялся Качи. – Вы и здесь удачу нам принесете! Отдыхай! Пей! Смотри, какие женщины-уанка красивые! Может, жен себе выберешь, как твой воин?

– Нет! Мы – дети богов! И от этой участи нам никуда не деться. Помогать обязаны. – Антоненко повернулся к Роговому. – Вася, пошли, переоденемся в свою одежду, а то мне что-то не по себе. Чувствую, большая драчка будет.

– Да и мне сегодня плохо спалось, – неожиданно признался Роговой. – Я за это время даже от своего тельника немного отвык, а это не к добру.

Не успели они переодеться в свою одежду и застегнуть ремни, как в дом вбежал один из воинов охраны, оповестивший, что вождь и Качи уходят к ущелью.

– Вася! У тебя гранаты есть?

– Две РГД-33 и одна «лимонка».

– Дай одну эргэдэшку, на всякий случай. И далеко от меня не отходи, прикрывать друг друга будем!

Как ни спешили виракочи, но к ущелью они подошли последними.

Глядя на Анко Альо и Качи, Николай понял, что сегодня легкой драчки не будет. Все оказалось гораздо серьезнее. Как сообщил воин, оставленный ранее в составе дозора на утесе и прибежавший оповестить вождя о новых врагах, на берегах Большой реки снова появились гуаро. Но в этот раз их оказалось намного больше, чем раньше. И они все прибывали... Когда воин уходил от реки, дозорные насчитали уже больше трех сотен гуаро. Вместе с ними были женщины и дети. Это плохо. Со своими семьями за спиной гуаро будут драться отчаянно. Что-то здесь не так. Раньше они в таком количестве и с семьями не приходили. Воин сообщил, что известие о новом нападении также было передано и в крепость уаминка. Дальше решили не идти, а встретить врага возле стены. Она хоть невысокая, но дикарей из джунглей задержит. Выслали вперед разведку. Анко часть воинов послал на верхушки ущелья, чтобы оттуда сбрасывали камни в наступающих гуаро. Вместе с уаминка возле выхода из ущелья собралось не меньше шести сотен воинов. Вождь послал гонца в город, чтобы готовились к обороне и собирали воинов племени из других селений.

Потянулись долгие часы ожидания. Чтобы не скучать, Николай проверил карабин и пистолет, пересчитал патроны. Найдя подходящий камень, подточил нож. Пожалел, что не прихватил немецкий штык-нож на карабин. Примеру командира последовал и Роговой.

– Вася, особо не усердствуй. Патроны береги, – предупредил Антоненко. – Я буду командиров выцеливать, а ты бей так, чтобы ни одна пуля «в молоко» не ушла.

– Понял, Николай Тимофеевич. Мы им такое танго сыграем, что навсегда сюда дорогу забудут, – отозвался моряк. Он расстегнул свою гимнастерку, под которой была видна морская черно-белая тельняшка.

Примеру напарника последовал и Антоненко, открыв на обозрение свой десантный синевелый тельник.

– Хрен прорвутся! Мы в тельняшках!

Пока воины укрепляли стену, поднимали повыше каменный помост и разворачивали впереди большие камни, создавая помехи для быстрого продвижения врага к укреплению, Николай решил немного вздремнуть в тенечке. Благо есть кому разбудить. Четыре уаминка постоянно находились рядом, охраняя виракочей.

С точки зрения военного дела вожди делали все верно. Разведка, организация засады, боевое охранение впереди, инженерное заграждение путем создания препятствий, укрепленный рубеж обороны... Не хватало только минных полей, колючей проволоки, артиллерии и авиации... Но это все будет... Потом, в будущем. Ведь все уставы пишутся кровью. Вот и этих людей постоянные битвы с соседями за выживание научили воевать. Правда, мало их... Вспомнился Киев, памятная кафешка, Маша... Да и не Маша вроде, а Тани...

– Командир, разведка вернулась! – раздался рядом голос Рогового. – Своего раненого принесли. Кажется, концерт начинается!

Раненым оказался второй воин из дозора на утесе. Он сообщил, что гуаро собрали на берегу своих погибших и сожгли их на больших кострах. Дозорным уанка удалось подобраться почти к берегу и понаблюдать. Врагов оказалось много, слишком много. Гуаро создали плавающий мост, перекрыв реку своими лодками и положив на них небольшие стволы деревьев со связками бамбука. Сейчас они большими группами переправляются на этот берег. Первые сотни воинов уже двинулись сюда и к крепости уаминка. Дозорным уйти не удалось. Их обнаружили и почти всех перебили, в живых остался только он.

Не успели вожди обсудить ситуацию, как из ущелья стали выбегать воины, находившиеся в охранении, на ходу крича, что сюда идут гуаро. Их быстро втащили на стены. Но последнему не повезло, длинная тонкая стрела вонзилась в спину уанка. Из ущелья показались дико кричащие коричневокожие голые воины, размахивающие своим оружием. Они на ходу стреляли из больших луков и с помощью копьеметалок кидали дротики в сторону перегородившей ущелье стены. Гуаро заняли практически весь выход из ущелья. На первый взгляд их было не меньше четырех сотен воинов, но они все прибывали. Со стороны уанка слышались вскрики и стоны, видно, первый дождь из стрел и дротиков врагов все же достал кого-то из воинов. Но уанка и уаминка терпеливо ждали, не отвечая на вызов, подпуская врага поближе.

Видя, что им не отвечают, воины-гуаро осмелели и бросились в атаку на невысокое укрепление. Разбросанные перед стеной большие камни немного замедлили движение и смешали ряды дикарей. Образовалась толкотня и давка. Первые не могли быстро двигаться вперед, а задние напирали на них. В этот момент Анко Альо, громко крикнув, метнул свой дротик в толпу гуаро. Вслед за вождем закричали его воины и стали бросать в дикарей камни, дротики и стрелы.

Николай приказал Роговому не стрелять, а сам высматривал среди гуаро вождей или очень уж активных воинов, ведущих за собой остальных. Как там говаривали древние: обезглавь вожака – и все стадо разбежится.

Ответный удар оказался результативным. Первые ряды гуаро почти все легли. Кто со стрелой или дротиком в груди, а кто и с пробитой камнем головой. Но это их не остановило. Наступая на своих погибших и раненых, перепрыгивая через камни, дикари бросились к стене. Все попытки залезть вверх заканчивались для них плачевно. Воины Анко и Качи, орудуя своими каменными булавами и копьями, раскраивали черепа, ломали руки и ребра нападавшим. Кругом стоял дикий крик и шум. Уанка и уаминка тоже доставалось, так как задние ряды гуаро забрасывали их стрелами и дротиками. Кое-где под стеной уже образовались довольно внушительные кучи из тел поверженных дикарей. Но ни один из гуаро не смог подняться на стену и не перелез через завал из деревьев на ручье.

Вдруг со стороны дикарей раздался громкий удар барабанов и гул морских раковин. Штурм резко прекратился. Гуаро, подхватывая своих раненых, откатились назад, в глубину ущелья.

– А у них организация! – удивился Роговой. – Дикари дикарями, а команды понимают!

– То, что они голые, еще не значит, что дурные, – пояснил Антоненко. – Никогда нельзя недооценивать противника. Давай лучше посмотрим результат и с вождями переговорим.

Качи они нашли недалеко от стены, один из уаминка перевязывал ему раненную стрелой руку. Анко Альо обходил стену, подбадривая воинов и давая команды на ремонт укрепления. По предварительным подсчетам, защитники крепости потеряли полтора десятка убитыми и три десятка ранеными. Гуаро погибло не меньше шести десятков. Сколько было ранено, уточнить не удалось, так как многих они забрали с собой, но среди тел погибших иногда раздавались стоны и крики. Защитники добивали их стрелами или метко посланным из пращи камнем. Многие молодые уанка и уаминка хотели броситься резать головы врагам, но вождь накричал на них, запретив это делать. По крайней мере, сейчас. Нельзя покидать укрепление, может быть ловушка. На помощь защитникам из города пришли женщины и подростки. Они привели с собой лам, на которых привезли продукты и оружие. Жрецы перевязывали раненых, легко-раненые воины сооружали носилки, помогали женщинам с подростками относить тяжелораненых и убитых в город.

С момента нападения прошло уже несколько часов, солнце перевалило за полдень и начало клониться к западу. Все понимали, что первая атака гуаро была, если выразиться языком наших современников, разведкой боем. Посланные на верхушки ущелья воины еще не вернулись, поэтому, что происходило с другой стороны ущелья, оставалось неизвестным.

Переговорив с Анко, Николай принял решение вместе с Роговым занять позицию на небольшой площадке, возвышавшейся сбоку над заградительной стеной. Здесь было почти идеальное место для наблюдения и ведения фронтального, а также флангового огня по противнику. Поскольку на площадке могли разместиться только Антоненко и Роговой с пулеметом, четверка телохранителей-уаминка заняла место внизу, прикрывая подходы к площадке.

«И чего я сразу не сообразил! – подумал Николай, доставая бинокль. – Старею. Отвык воевать по-настоящему. Ничего, сейчас все вспомним, такое не забывается!»

Из-за того что ущелье было довольно извилистым, сектор наблюдения ограничивался тремястами метрами в глубину. Ширина самого ущелья в этом месте – не больше ста метров.

«Прямо Фермопильский проход, а мы – триста спартанцев!» – усмехнулся про себя Николай, разглядывая в бинокль ущелье. Оглянувшись на укрепление, он для себя отметил, что не мешало бы союзных воинов вооружить хотя бы как спартанцев, а то от простой стрелы да каменного дротика столько раненых и убитых...

Приближался вечер. Перекусив переданными воинами вяленным мясом с кукурузными лепешками и чичей, Антоненко и Роговой немного отдохнули, меняя друг друга на посту. И вот, когда уже подумалось, что сегодня ничего не будет, Николай заметил в глубине ущелья какое-то движение. Подав сигнал своим воинам, чтобы предупредили остальных, они с Роговым прильнули к прицелам.

Из глубины ущелья медленно надвигались большие группы гуаро. Но в этот раз они шли молча, без диких воинственных криков. Впереди, мелкими перебежками, двигались группы воинов, несущих большие прямоугольные щиты, сплетенные из лиан, веток и тонких стволов деревьев. Щиты занимали практически всю ширину ущелья и прикрывали передние ряды сверху. Под прикрытием щитов воины убирали с дороги камни, расчищая дорогу идущим следом.

Подойдя к стене на дистанцию броска дротика, гуаро остановились, накапливая за щитами силы для штурма.

– Командир, может, покосить их? – прошептал Роговой. – Тут около пятидесяти метров...

– Подожди, Вася. Стрелять – только по моей команде, что бы ни случилось, – успокоил его Антоненко.

В толпе врагов он заметил нескольких гуаро, выделявшихся от остальных своей внешностью и вооружением. Это явно были не простые воины, а вожди или командиры отрядов. Голову каждого из них прикрывал шлем, изготовленный из черепа крупного животного, воз-

можно – медведя или ягуара, украшенный большими красивыми перьями. На воинах были надеты деревянные или костяные доспехи. Часть из них покрыты шкурами ягуаров. Большинство держали в руках массивные дубинки, а некоторые – даже медные топоры на длинных рукоятках: видно, трофейные.

Сложилась ситуация, когда каждая из сторон была подобна пружине, сжатой до предела и готовой в любую секунду сорваться и выстрелить во врага.

И этот выстрел прогремел... Из карабина Антоненко. Один за другим. Николай выстрелил всю обойму. Пять патронов и пять попаданий. Один за другим вожди (или жрецы?) гуаро упали на землю с пробитой головой или грудью.

Но пружина взведена и остановить ее невозможно. После кратковременного замешательства обе стороны пришли в движение. Первыми ударили по врагу защитники стены. В гуаро полетел сплошной дождь камней, стрел и дротиков. Если камни и большинство стрел отскакивали от хлипких щитов, то дротики пробивали их насквозь. Послышались вскрики раненых, падали убитые. Но это не остановило штурма дикарей. Взревев, словно один громадный раненый зверь, гуаро двинулись вперед. Пока первые ряды со щитами приближались к укреплению, задние начали закидывать обороняющихся стрелами и дротиками. Подбежав к укреплению, гуаро бросали щиты в защитников стены, мешая им отражать нападение, а кого-то и сбивая с помоста. В этот раз они не лезли по одному на стены, а, подбежав к укреплению, несколько человек выстраивались в своеобразную живую лестницу, по которой другие легко взбирались наверх. Начался настоящий штурм. Гуаро даже удалось захватить часть стены в центре, в районе ручья. Сложилось отчаянное положение: еще немного – и враг захватит укрепление.

– Вася! Давай! Отсекай первых! Бей во фланг!

Длинная пулеметная очередь перекрыла крики сражающихся. Пули с близкого расстояния прошивали человека насквозь, убивая следующего за ним. В течение нескольких секунд было убито не меньше пятидесяти дикарей. В их задних рядах возникло замешательство. Словно большой острый нож отрезал часть целого, откинув назад все остальное.

– Бей по фронту! – успев поменять обойму и стреляя в оторопевших от грохота выстрелов дикарей, прокричал Николай.

Гуаро, не понимая, почему их товарищи падают на землю и при этом истекают кровью, не имея в груди стрелу или дротик, топтались на месте. Воспользовавшись этим, Роговой перенес огонь на них, вырывая короткими очередями по несколько человек из толпы.

Заметив, что напор атакующих иссяк, Анко и Качи бросили своих воинов в контратаку. Быстро перебив оставшихся дикарей на стене и под ней, уанка и уаминка стали спрыгивать вниз и всей массой кинулись на остановившегося в нерешительности врага. Завязался яростный рукопашный бой, в котором потерявшие в начале битвы часть своих командиров гуаро были вынуждены отступать. Переломным в этой битве стал град камней, посыпавшийся сверху на тылы дикарей, убивавший и калечащий их десятками. И они побежали, бросая своих убитых и раненых.

– За мной! – прокричал Антоненко, спрыгивая вниз. – Нужен «язык», а еще лучше – два.

Ничего не поняв, за ним бросились четыре воина-уаминка и Роговой, успевший поменять диск в пулемете.

Это был не просто призыв, он хотел захватить хотя бы двух живых пленных, пока союзники не успели перерезать глотки всем раненым гуаро. Перестав преследовать противника, воины бросились добивать оставшихся, отрезая им головы и хвалясь друг перед другом. Дикари! Что с них возьмешь!

В этой кровавой толчее Николаю удалось захватить двух раненых гуаро. Даже пришлось отбивать их от слишком возбужденных уанка, желающих заполучить столь доблестный трофей. Оставив пленных под охраной своих уаминка и Рогового, Антоненко принялся искать Анко или Качи. Обоих вождей он нашел в середине ущелья, любующихся делом рук своих воинов,

посланных на вершины. Те постарались на славу. Под сброшенными ими камнями погибли или были покалечены не меньше четырех десятков дикарей, которых сейчас просто дорезали.

Увидев Николая, оба вождя склонились перед ним. То же сделали и стоявшие рядом воины.

– Спасибо тебе, сын Виракочи! Ты спас нас! Мы прогнали гуаро! – услышал он перевод сопровождавшего его Валью. Этот уаминка был очень способным малым и за время нахождения рядом с попаданцами успел немного выучить русский язык.

Не привыкший к таким почестям, Николай сначала смутился, но потом произнес:

– Еще рано праздновать победу. Они могут вернуться. Мне нужен тот, кто знает язык гуаро.

Выслушав перевод, вожди, посоветовавшись между собой и переговорив с воинами постарше, послали несколько молодых искать переводчика.

Разгром врага казался полным. Потеряв всего двадцать убитыми и около четырех десятков ранеными, воины Анко и Качи с помощью виракочей уничтожили до двух сотен гуаро. Это не считая раненых, успевших с помощью товарищей избежать резни. Практически все ущелье было очищено от врага. Посланные вдогонку воины сообщили, что на выходе из ущелья гуаро соорудили подобие их стены и укрепились за ней. После получения этой информации все поняли, что радоваться еще преждевременно. Но стало ясно, что сегодня битвы больше не будет. Надо залечивать раны и довольствоваться хоть маленькой, но победой.

Пока воины под руководством Анко Альо заваливали телами погибших врагов середину ущелья, Антоненко и Качи попытались допросить пленных. Среди уанка нашелся старый воин, который еще в молодости попал в плен к гуаро, прожил среди них несколько лет и, боясь, что его съедят, сумел сбежать, хотя ранее это никому не удавалось. Гуаро отличные охотники и воины, они прекрасно знают сельву, поэтому найти беглеца для них не составляло особых трудностей. Воин уже подзабыл язык своих бывших хозяев, но все же с горем пополам удалось хоть немного понять друг друга.

Первый из пленных категорически отказался разговаривать с врагами, гордо держа голову и плюя в сторону пленивших его. Хоть и не хотелось Николаю, но ему пришлось применить все методы психологического воздействия на пленных, применяемые как в древнем, так и в современном ему мире. Воины-уанка на глазах второго пленного сначала начали отрезать первому уши, затем пальцы на ногах и руках. Когда очередь дошла до мужского достоинства, второй заговорил. После допроса обоих пленных милостиво убили сразу, без продолжения пыток.

Из всего сумбурного и сбивчивого рассказа пленного и корявого перевода Николай сделал вывод, что настоящая битва им еще предстоит.

Несмотря на кажущуюся дикость и безграничность амазонских лесов, почти все они поделены между соседствующими племенами и народами, чьи земли вплотную примыкают друг к другу. Гуаро – не исключение. Последние два года оказались довольно голодными для людей: дичи было мало да и растительной пищи не хватало. Между соседями началась война за передел охотничьих угодий. На земли гуаро пришли два довольно сильных племени, которые, объединившись, решили изгнать бывших хозяев. В этой войне гуаро проиграли и были вынуждены уйти с родных мест. Сейчас все племя, насчитывающее вместе со стариками, женщинами и детьми несколько тысяч человек, находилось на берегу Большой реки. Их цель была ясна и понятна. Выгнать с этой земли уанка и уаминка, чтобы занять их место под солнцем. Теперь стал понятен их яростный штурм. Отсюда просто так они не уйдут.

Пока допрашивали пленных и убирали подальше от укрепления трупы убитых врагов, окончательно стемнело. На подступах к каменной стене цепочкой разожгли небольшие костры, чтобы враг не смог незаметно подобраться. Уставшие за день, воины пристраивались кто где мог, лишь бы немного поспать. Вожди выставили надежные посты, которые периодически

выдвигались вперед и поддерживали в кострах огонь. Недолго думая Антоненко и Роговой разместились на своей огневой точке – небольшой площадке, возвышавшейся сбоку над заградительной стеной, – откуда еще недавно вели огонь по дикарям. Место удобное, незамеченным к нему не подобраться, и обзор хороший.

Уже за полночь из ущелья подул ветер. Вместе с ним пришел неприятный запах. Сначала он еле чувствовался, но постепенно усиливался. Многие воины внизу начали кашлять и просыпаться. Проснулся и Николай. С высоты площадки он заметил в глубине ущелья отблески разгорающегося пламени. Спустившись с Роговым вниз и найдя Анко Альо, решили послать разведку. Но воины быстро вернулись, не дойдя и до середины ущелья. Они сообщили, что гуаро, устроив огромные костры, сжигали своих убитых сородичей. С каждой минутой ветер вместе с гарью и клубами едкого черного дыма все больше разносил по ущелью запах смерти – сладковатый запах горелого человеческого мяса.

Выдержать такую «газовую атаку» было невозможно. Решили под покровом ночи отойти в Уанка-канча. Тем более что воины, находившиеся на вершинах ущелья, спустились вниз, сообщив неприятное известие: разведчики гуаро нашли несколько горных троп в обход ущелья и между ними и дозорными уже произошли стычки.

Добравшись до выделенного им дома, Антоненко и Роговой, не раздеваясь, завалились спать. Прошедший день был трудным и забрал у них много сил. А завтрашний будет еще труднее, поэтому надо хоть немного отдохнуть.

Утром дозоры, выставленные на границе долины, принесли новое сообщение. На рассвете часть гуаро, шедшая в обход ущелья, спустилась с гор в долину. Не обнаружив уанка возле каменной стены, они разместились в покинутом селении недалеко от ущелья. Постепенно к ним стали подтягиваться и другие дикари вместе со своими семьями. Каких-либо признаков, говорящих о готовящемся сегодня наступлении на город, в стане гуаро замечено не было. Один из дозорных чуть не попал в плен. Его спасло только то, что дикари были уставшими и быстро отстали. Это давало шанс иметь в запасе один день для подготовки к обороне города и время для подхода через перевал за городом подкрепления из других селений.

Позавтракав, Николай решил вместе с вождями осмотреть город и окружающую местность, но уже с военной точки зрения, на надежность его обороны. Роговой остался возле дома чистить оружие и набивать диски патронами, небольшой запас которых он все время таскал в вещмешке. Переводчиком сегодня был Валью, хотя Антоненко уже сам немного понимал местный язык и мог пару десятков слов сказать на нем.

Город пришел в движение, как потревоженный муравейник. Всюду сновали воины, женщины и дети. Каждый был занят важным делом. Детвора собирала возле скал подходящие для метания пращей камни и складывала их на стенах-террасах в большие кучи. Женщины занимались заготовкой продуктов к длительной осаде, готовили перевязочные материалы, помогали жрецам ухаживать за ранеными. Родственники хоронили на кладбище своих погибших воинов. Присутствие там вождя Анко Альо и главного жреца племени было обязательным, поэтому подготовку города к обороне взяли на себя Качи и Антоненко. Воины укрепляли стены, готовили оружие. По совету Николая, Качи приказал соорудить большие щиты и выставить их на стенах для защиты от стрел и дротиков дикарей. Также по периметру стен крепости часть воинов вкапывала в землю густой полутораметровый частокол в два ряда, наклоненный в сторону нападавших. С этой целью весь ближайший к городу лес нещадно вырубался. Попутно делался и запас топлива для костров. Николай пожалел, что из-за отсутствия лопат невозможно было выкопать и ров.

Он заметил, как подростки постарше носили на стены большие камни для сбрасывания на врагов. В голове родилась идея, которую сразу же захотелось осуществить, пока было время. Попросив Качи найти несколько хороших топоров и крепких канатов, а также дать ему пару

десятков воинов посмышленнее, Николай вместе с Роговым принялись за дело. Они решили соорудить катапульту-каменомет. И не одну, а сразу две. Схема простая и давно испытана временем. Кто из наших современников не играл в свое время в рыцарей, не штурмовал в детстве игрушечные крепости, не изучал в школе историю древних миров и средневековой Европы, а также не смотрел исторических фильмов? Таких практически не найдешь. Главное – знать принцип действия, а дальше, как говорится, дело техники, были бы руки да голова. Пришлось несколько раз сходить в лес и поискать подходящие деревья, опасаясь, как бы шум от рубки и валки деревьев не привлёк дикарей. Но все обошлось. Нападений не было. Но это не значит, что их старания не остались незамеченными. Пару раз находившиеся в охране воины отгоняли от Николая и его людей разведчиков гуаро. Работали не покладая рук, практически без обеда, но к вечеру оба каменомета стояли на стенах-террасах, прикрывая опасные направления у проходов-ворот в крепость. Катапульты получились неказистыми и громоздкими, но десяток воинов мог передвинуть каждую из них. Вместо рычажной доски использовали крепко связанные между собой гибкие стволы деревьев. Жгутом служили перекрученные жесткие травяные канаты, а для ложки на конце рычага, по заданию Антоненко, Валью нашел в городе две вместительные корзины. Под перекладину использовали ошкуренное толстое бревно, закрепив его на массивной раме и обмотав для амортизации несколькими сложенными шерстяными одеялами.

И вот наступил момент испытаний. Для безопасности всех отогнали подальше от предполагаемого направления полета камней. Впервые узрев такое чудо человеческой мысли, весь народ вывалил на стены и под ними: посмотреть, как оно работает. Командиром первой катапульты Николай назначил себя, а второй – Рогового. Когда все было готово и в ложку-корзину засыпаны два десятка камней размером с кулак, Николай перекрестился:

– Ну, боженька, помоги! Бей врага не хуже пулемета!

Взяв в руки хорошую дубинку, он резким движением выбил клин. Рычаг взмыл вверх и ударился в перекладину, метнув камни по настильной траектории в открытое поле. Судя по поднявшейся пыли от камней, взрыхливших землю, дистанция выстрела составила около двухсот метров, что было дальше броска дротика и даже полета стрелы. Удовлетворительной была и площадь поражения. Катапульта Рогового выстрелила примерно на такое же расстояние. Зарядание происходило не с помощью лебедки, а простым натягиванием десятком воинов нескольких канатов, пропущенных под нижней балкой, с последующей фиксацией деревянным клином. Сделать конструкцию лучше не было времени. Это, конечно, небезопасно, но зато гораздо быстрее, что в сложившейся ситуации было важно. Николай не рассчитывал на долговечность данной конструкции, главное – продержаться день, а там можно и подлатать.

От увиденных результатов стрельбы восторгу присутствующих не было границ. На перезарядку ушло несколько минут. Повторные выстрелы оказались не хуже, но сектор обстрела немного сдвинулся. Но это не страшно. Главное – не точность, а стрельба по площадям.

Еще будучи в лесу, выбирая деревья для катапульт, Антоненко заметил приличную рощу тонких, но высоких и прямых деревьев. Как пояснили уанка, из них они делали копья. Надо сказать, что копья местных жителей были длиной не более роста человека. Это связано с тем, что в густом лесу и по горам не очень-то удобно бегать с длинной палкой. Но совсем другое дело – сражаться с копьем в открытом поле. Чем длиннее копье, тем больше шансов поразить противника, не подпуская его к себе. Вспомнив про спартанцев, Николай попросил Анко Альо, чтобы его воины заготовили хотя бы две сотни копий длиной в три метра. Не понимая, для чего виракоче нужны такие длинные копья, вождь все же согласился и послал воинов за ними. Параллельно занимаясь строительством катапульт, Антоненко попросил старейшин племени, чтобы все, кто может плести корзины, сплели двести щитов, обтянув их кожей или плотной материей. Но щиты должны быть в три раза больше размером, чем маленькие деревянные щиты уанка.

После успешных испытаний катапульти попаданцы переключились на подготовку копеечников. Уже в сумерках, при свете костров, разделив выделенных ему двести воинов на четыре шеренги, Николай обучал их двигаться вместе, одной сплошной стеной, одновременно владеть щитом и непривычно длинным копьем. Получалось что-то наподобие древнегреческой фаланги. Эта идея так захватила Качи, что он сам встал в ряды воинов и решил командовать этим отрядом. По настоянию Николая, в отряд отобрали самых опытных воинов. Сначала возникли трудности. Привыкшие к индивидуальным схваткам, воины никак не могли двигаться в ногу, соблюдать интервал и дистанцию, одновременно, по команде, наносить удары копьем и защищаться щитом. Но постепенно, с увеличением количества повторений и разъяснений, улучшалась слаженность в их действиях. Тренировки закончили далеко за полночь. Людям надо отдохнуть, завтра может быть решающая битва.

Уставшие, но довольные проделанной за день работой попаданцы вошли в дом с единственным желанием – поспать.

– Ничего себе! – воскликнул Роговой, зайдя первым. – Командир, а у вас здесь уже зазноба появилась?

В центре дома приветливо горел очаг, создавая тепло и уют. Рядом стоял невысокий, но довольно широкий столик, заставленный глиняной посудой с еще теплой едой и хорошим кувшинчиком чичи. На травяных циновках лежали толстые шерстяные матрасы, плотно набитые приятно пахнущей травой. Даже небольшие подушки имелись! Постели были покрыты новыми шерстяными одеялами. Вся одежда выстирана и аккуратно сложена. Везде чувствовались заботливые женские руки.

Сам не ожидавший такого, Николай возразил:

– А может, это у тебя? Ты, Вася, парень молодой да видный. Я уже заметил, как местные девки за тобой стайкой бегать начинают. То водички поднесут, то полотенце, а то и кусок повкуснее. И все норовят покрасоваться перед тобой да в глаза заглянуть!

– Да я тоже это заметил, – усмехнулся Роговой, – но пока никого не выбрал. А вот вы уже, по-моему, определились. Дыма без огня не бывает... Наверное, это Тани постаралась!

– С чего это ты так решил?

– Видел я, как она недалеко от вас крутилась да глазами в вашу сторону стреляла.

– Ладно, стрелок, – решил поменять тему вдруг застеснявшийся Антоненко, – давай есть, а то все остынет. Да и поспать немного надо. Завтра тяжелый день предстоит.

– Николай Тимофеевич, а откуда вы знаете, как со щитом и копьем управляться? Что, в древних временах успели побывать?

– Да нет, жизнь в свое время заставила почитать и выучить. Вот и запомнил. Ладно. Давай заканчивать – и на боковую. Утро вечера мудренее.

Утром их ждали свежие новости. Под покровом ночи небольшая группа уанка, знающая свою долину до последнего кустика и ямки, пробралась к лагерю гуаро и захватила двух пленных. Пользуясь проверенным методом допроса, удалось узнать, что в лагере дикарей произошли перемены. Вчера вечером к ним подошли еще несколько родов с семьями. Теперь их стало больше, и лагерь гуаро приблизился к Уанка-канча. Другая новость была немного утешительной. Сегодня штурм также не будет. Захватчики заняты разведкой местности, охотой и подготовкой оружия.

Антоненко захотелось увидеть пленных и переговорить с ними. Валью отвел его к небольшому дому на окраине города, где Анко Альо и Качи допрашивали дикарей. Они пришли вовремя. Один из пленных уже дергался в предсмертной агонии, а второй готовился последовать за ним в мир иной. Внимание Николая привлек предмет, блеснувший на шее еще живого пленника.

– Стоп! Отставить! – возбужденно крикнул он.

Растолкав уанка, Антоненко кинулся к пленному. Почтительно расступившись, воины смотрели на виракочу с непониманием. Чего это он вдруг решил защитить никчемную жизнь врага?

Николай не поверил своим глазам. На шее у дикаря висела серебряная цепочка с православным крестиком и красноармейской звездочкой!

– Откуда? Говори, гад, откуда это у тебя? – Николай тряс перепуганного гуаро, при этом крича по-русски и показывая на цепочку с крестиком.

С помощью Валью и старого воина-переводчика едва удалось узнать всю историю появления этих предметов у дикаря.

Гуаро не участвовал в штурме ущелья. Он только вчера пришел сюда со своим родом. За день до этого, при переправе через Большую реку, ими были захвачены несколько белых мужчин и две женщины в странных одеждах. Неизвестные люди приплыли с верховья реки на плотах, чуть не сломав плавучий мост гуаро. Белые мужчины вели себя странно, размахивали своими короткими палками и требовали подчинения. Но гуаро не боятся белокожих, и у них свои боги. Вождь приказал схватить их. Воины окружили пришельцев, но те начали сопротивляться, извергая из своих палок гром и молнии. Несколько воинов упали, истекая кровью. В ярости гуаро накинулись на врагов и убили всех белых мужчин, кроме одного. Ему удалось вырваться, захватить одну из лодок и уплыть вниз по течению реки. За ним никто не гнался, так как знали, что дальше по реке живут другие племена, и ему не уйти от них. Женщин вождь забрал себе в жены, а убитых белых мужчин в тот же день съели всем родом. В конце рассказа пленник сказал, что найденные у него вещи он снял с убитого лично им белого пришельца.

На вопрос Антоненко, где сейчас находятся белые женщины, дикарь пояснил, что в новом лагере, вместе с другими женами вождя. Больше он ничего не знает.

Валью поинтересовался, что дальше делать с пленным. В ответ Николай только махнул рукой и расстроенный вышел из дома. Вслед ему раздался предсмертный вскрик гуаро.

– Что это значит, Николай Тимофеевич? Ведь это наши в плену у дикарей! – воскликнул Роговой, узнав новость. – Их надо спасать!

– Надо! Но как? – задумался Антоненко. – Мы же не знаем, где они конкретно находятся. У наших в долине что-то произошло, если несколько человек оказались здесь и попали в плен к гуаро. Но что? И связи с Синчи Пумой нет! Посланные в обход гонцы еще не вернулись.

– Надо первыми на дикарей напасть! Врасплох их застать, ведь они этого не ждут! – вдруг выпалил Василий.

– А давай! Чем черт не шутит, – поддержал идею Николай. – Завтра с утра. Упреждающий удар. Как Жуков на Курской дуге по немцам!

– Это в нашей войне? Расскажите?

– Да, Вася, – улыбнулся Антоненко, – обязательно расскажу. Наш народ тогда победил. И вообще. Мы – народ-победитель! Нам проигрывать нельзя, а то уничтожат. Пошли к вождям. Совет держать будем...

Идею превентивного удара Анко Альо и Качи поддержали с восторгом. Вождь уанка, досконально зная свои владения, тут же рассказал, как лучше пробраться к лагерю гуаро. Его разведчики уже точно определили местонахождение дикарей и нашли несколько лазеек. Один из них даже сообщил вождю, что видел у гуаро двух чужих белых женщин. План созрел почти мгновенно. Осталось разработать детали. К этому времени из других селений подошли около пяти сотен воинов-уанка, существенно увеличив силы обороняющихся.

Когда почти все было обговорено, Качи спросил у Николая:

– А как мы узнаем, когда нужно нападать? Какой сигнал подашь?

– Ты его услышишь. Он будет довольно громким. Даже слишком, – усмехнулся Антоненко. – Но когда прогремит второй, немедленно отступайте к городу.

Качи и Анко Альо так понравилась идея фаланги, что они к двум сотням воинов добавили еще одну. И теперь перед городом триста воинов под руководством виракочей учились действовать большим щитом и длинным копьем в едином строю. Николай подсказал Качи, чтобы тот сильно не растягивал строй по фронту, так как неровная местность ломает линию. Лучше действовать тремя плотными отрядами с небольшим интервалом между ними, как раньше воевали римляне.

С наступлением сумерек попаданцы в сопровождении специально отобранных воинов вышли на тайную горную тропу в обход долины.

– Валью, спроси у него, где он видел наших женщин? – прошептал Николай, кивая в сторону разведчика-уанка.

Сделав за ночь обходной марш-бросок, диверсионная группа оказалась в тылу у гуаро, пробравшись к почти не охраняемому с этой стороны лагерю. Опытные воины-уанка тихо зарезали двух полусонных часовых.

Теперь они скрывались в зарослях, расположенных на краю временной стоянки дикарей. Вернее их было не одна, а несколько. Весь лагерь врага делился на неравные части. Гуаро расположились по своим родам, отдельно друг от друга, но на некотором удалении. Вот в эти промежутки и сумел провести всю группу разведчик-уанка. Этому способствовали и густой лес, окружавший стоянки, и предрассветный плотный туман. Родная земля помогала уанкам как могла.

Воин указал рукой на небольшой навес из веток и крупных листьев, немного в стороне от центрального шалаша стоянки.

– Прикрывай. – Дав команду Роговому, Антоненко махнул рукой Валью и разведчику, чтобы следовали за ним. Карабин, чтобы не мешал, был закинут за спину, в левой руке – пистолет ТТ, а в правой – десантный нож.

Подобравшись к навесу, увидели под ним на травяной подстилке трех спящих женщин. Николай сразу узнал одну из медсестер Баюлиса, лежащую посередине.

«Как ее зовут? Кажется, Рита!» – вспомнил Антоненко. Второй попаданки нигде не было.

Девушка не спала, а как обиженный ребенок, сжавшись в комок и прижав к лицу руки, вздрагивая всем телом, тихо стонала. Ее одежда была разорвана, волосы растрепаны, ноги без обуви и грязные.

Указав своим напарникам на соседок пленницы и проведя ножом себе по горлу, Антоненко осторожно приблизился к Рите. Валью и уанка подскочили к спящим и, зажав им рты, вонзили ножи в сердце. От произведенного ими шороха Рита открыла глаза. Увидев воинов с окровавленными ножами, она машинально вскочила, сев на подстилку. Заметив перепуганные глаза девушки и готовый вырваться крик, Николай быстро закрыл ей рот рукой и прошептал:

– Тихо, Рита, тихо... Мы – свои, мы за тобой. Не бойся нас...

Услышав родную речь и свое имя, девушка испуганно посмотрела на Антоненко. Наконец узнав его, Рита немного расслабилась, и из глаз девушки потекли слезы. Николай заметил, что у нее связаны кисти рук. Он аккуратно разрезал ножом сковывавшие их путы. Девушка бросилась к нему на грудь, прижавшись всем дрожащим телом. Ее плач становился громче.

– Тихо, Риточка, тихо, милая... А где вторая? – погладил Николай девушку по голове.

Поняв вопрос, Рита указала рукой на центральный шалаш стоянки.

– Валью – со мной! А ты отведи ее к нашим. – Дав указание воинам, Антоненко двинулся к шалашу.

Подойдя ближе, он изумленно остановился. На стенках шалаша были развешены куски светлой человеческой кожи с различными татуировками на уголовную тематику: с церквами, крестами и надписями на русском языке. Особенно выделялось «Не забуду Одессу-мату».

«Наверное, убитые мужики уголовниками были, – сделал вывод Николай. – Но что они здесь делали?»

Осторожно заглянув в щель между травяным пологом и стенкой шалаша, Антоненко увидел двоих людей. Первым был здоровенный голый гуаро, развалившийся на спине почти в самом центре. Он так храпел, что содрогались тонкие стенки шалаша. Недалеко от него, со связанными за спиной руками, лежала на животе полуобнаженная белая женщина. Она не спала, а тихо всхлипывала. Было понятно, что здесь произошло насилие.

Резко откинув полог в сторону, Николай заскочил в шалаш. Сильным ударом ноги, обутой в тяжелый армейский ботинок, он сделал из мужского достоинства вождя неприличное месиво. От дикой боли тот попытался вскрикнуть и приподняться. Но лезвие десантного ножа, пройдя под нижней челюстью через горло в мозг, не дало этого сделать. Послышались только хрип и бульканье.

Пока Антоненко расправлялся с вождем, Валью перерезал связывавшие руки женщины тонкие лианы. Почувствовав свободу, она обернулась. Увидев произошедшее и того, кто это сделал, женщина попыталась закрыть лицо затекшими руками, но у нее не получилось. Тогда она, неловко прикрыв грудь и отвернувшись, заплакала.

– Все хорошо, родная, все хорошо, мы за тобой, – успокоил ее Николай. – Валью, помоги ей подняться и отведи к нашим. Я сейчас.

Бегло оглядев шалаш, он увидел сваленное в кучу оружие времен Великой Отечественной войны. Сунув пистолет в кобуру и выхватив из кучи немецкий автомат с запасными магазинами, Николай выскочил наружу. Не успел он сделать и пару шагов, как нос к носу столкнулся с одним из дикарей. Не ожидавший такой встречи гуаро застыл на месте. Пользуясь этим, Антоненко полоснул его ножом по горлу. Дикарь, захлебываясь кровью, отпрянул назад, наступив на спящего рядом товарища. Тот, ничего не поняв, громко выругался и попытался подняться, но был придавлен падающим телом. От его крика стали просыпаться и другие. Воспользовавшись суматохой, Николай бросился в кусты. Над его головой пролетел дротик и послышались крики, поднимавшие тревогу. Навстречу выбежал Валью и махнул рукой, показывая направление движения. Стоянка гуаро начала гудеть, как растревоженный пчелиный улей. Обнаружив чужаков, дикари кинулись в погоню.

– Вася, гранату! – уже не скрываясь, крикнул Николай.

В толпе бегущих сзади гуаро грохнул взрыв, разметав преследователей в разные стороны. Тех, кого не зацепили осколки и не отбросило взрывной волной, покосили короткие пулеметные очереди.

Вслед за этой стоянкой стали подниматься и другие, разбуженные непривычным грохотом.

Вдруг с противоположной стороны лагеря раздался дружный и одновременно дикий воинственный рев. Это уанка бросились в атаку.

По договоренности с Анко и Качи, четыре сотни воинов под покровом темноты пробрались к лагерю гуаро и затаились до рассвета. В их задачу входило следующее. После взрыва гранаты они должны были общей массой пройти через весь лагерь противника, по пути калеча и убивая как можно больше дикарей. Но при этом ни в коем случае не распыляться на мелкие стычки. Категорически запрещалось задерживаться для традиционного отрезания вражеских голов. Основная цель: как можно больше воинов врага вывести из строя, чтобы они не смогли воевать. Чем больше раненых гуаро, тем лучше. Они не воюют, но требуют охраны, ухода и еды. А это уже лишние проблемы для вождей. С таким тылом особо не повоюешь.

Внимание дикарей с соседних стоянок переключилось на уанка. Воспользовавшись этим, группе Антоненко удалось проскочить в промежутках между стоянками. Поскольку измученные девушки не могли сами идти, воины несли их на себе по очереди, часто меняясь, чтобы не

потерять скорость передвижения. Прикрывал группу Роговой с пулеметом. По ходу движения Николай успел разобраться с оружием и уже держал наготове автомат.

– Вася! Уводи группу. Я с Валью немного отстану. Надо нашим сигнал на отход дать. Мы вас потом догоним.

– Понял, командир! – улыбнулся пулеметчик. – Но вы не задерживайтесь, Николай Тимофеевич, а то что я Тани скажу?!

– Ладно! Иди, шутник! – слегка подтолкнул его Антоненко.

В середине вражеского лагеря раздавались шум и крики побоища. Уанка с усердием выполняли поставленную перед ними задачу. Но в дальних стоянках дикари уже успели прийти в себя и сейчас направлялись на помощь своим сородичам. Увидев бегущую прямо на него вооруженную толпу, Николай толкнул Валью на землю и бросил в них «РГД тридцать три». Заполучи, фашист, гранату! После взрыва мало кто уцелел из бежавших дикарей. Оставшихся в живых он добил короткими автоматными очередями. Все. Теперь можно уходить...

Опасаясь погони, Антоненко и Валью немного попетляли по лесу и затем, переправившись через ручей, стали подниматься по едва заметной тропе, приведшей их сюда.

– Хальт! Хенде хох!

Николай оторопел и машинально поднял руки. Откуда здесь немцы?! Мать их!

– Николай Тимофеевич, вот вы и попались! – рассмеялся вышедший из кустов Роговой.

– Васька! Черт! Ну и шуточки у тебя! – чертыхнулся Антоненко. – Так и зайкой сделаться можно. А если б я в тебя очередью?

– А я за камушек спрятался, – парировал подчиненный.

– Ладно. Где девчата и как они? Все наши целы?

– Все нормально, командир. Ребята сейчас вместе с ними уходят подальше, а я решил вас подождать, мало ли что. Дикарь так над девушками поиздевалось, что смотреть больно. Из нашего десятка только двое легко ранены. Потерь нет. Задание выполнено, – уже с серьезным видом доложил пулеметчик и снова улыбнулся. – А здорово мы им дали! Человек сорок на тот свет отправили, не меньше!

– Рано еще считать! Давай к своим вернемся, там и подсчитаем! Пошли группу догонять!

В Уанка-канча вернулись только к вечеру. Девушки так обессилели, что пришлось соорудить носилки и нести на них. Даже кока не помогла. Да и сами участники рейда после бессонной ночи и сумасшедшего дня были уставшими.

Отдав Риту и ее подругу по несчастью на попечение местных женщин, Николай поспешил узнать, как провели свою вылазку вожди. Увидев их сияющие лица, он понял, что план полностью удался.

Гуаро не ожидали такого коварства от уанка и были застигнуты врасплох. Полностью разгромив ближайшие к засаде стоянки, Анко Альо повел своих воинов в центр лагеря, по пути калеча и убивая всех, кто попадался под руку. Они уже добрались до самого центра, когда прогремел взрыв второй гранаты. Помня о договоренности, Анко повернул своих людей назад, но уже в другую сторону. Разбросанные по стоянкам отряды дикарей не смогли оказать должного сопротивления пронесшемуся по их лагерю вихрю смерти. Вождь гуаро попытался организовать погоню, но на выходе из леса она наткнулась на жалящую длинными копьями стену щитов и стоявших за ней лучников. Не умея воевать в сомкнутом строю на открытой местности и без защитного вооружения, многие гуаро были убиты. Дикари несолоно хлебавши вернулись в свой лагерь.

Как доложили разведчики, посланные следом, в стане противника – хаос и неразбериха, о наступлении на город нет и речи. Дикари зализывали раны. Сегодня многие из их сородичей сложили свои головы, так и не найдя себе места под солнцем на чужой земле.

Потери уанка были минимальными. Все воины, и живые, и погибшие, вернулись в город. Ни один не был оставлен среди дикарей. Кроме того, были освобождены несколько

женщин-уанка, попавших ранее в плен. Анко удалось захватить даже пленных гуаро. Среди них оказался и сын вождя племени, четырнадцатилетний подросток. На него указали женщины-уанка в момент битвы.

– При таком раскладе ждите или дикий штурм, или переговорщиков о выкупе, – подытожил сегодняшний день Антоненко. – Правда, что они могут предложить, кроме своих голых задниц?..

Подходя к своему временному жилищу, Николай заметил рядом с ним одиноко стоящую женскую фигурку.

– Тани?

Но девушка, не ответив, быстро ушла.

В доме его снова ждали порядок и прекрасный ужин. Роговой уже спал на своем месте. На душе как-то сразу стало легко.

А ведь я ей небезразличен! Чем черт не шутит – может, действительно попросить Анко Альо и жениться на ней! Не такой уж я и старый! Могу Максу еще и братика сделать!

– Ника Тима! Вставай! Гуаро пришел!

Вчерашний марш-бросок по горам не прошел для Антоненко даром. Ноги гудели и отказывались слушаться. Разбудивший его Валью терпеливо ждал у входа. Роговой отсутствовал. Пройдя на стену-террасу, увидели на ней вождей в окружении воинов и жителей города, наблюдавших за происходящим перед крепостью.

– Николай Тимофеевич! Я ваш бинокль взял. Не хотел будить, – признался подошедший Роговой. – Вот, посмотрите. Гуаро парламентаров прислали.

В поле, перед Уанка-канча, находилась небольшая группа дикарей. Но они не выкрикивали воинственные призывы и не махали оружием, а тихо сидели на корточках, держа в руках зеленые ветки. Они ждали.

Посоветовавшись, к парламентарам решили пойти Качи и Николай в сопровождении двух десятков воинов. Больше не надо. Если что, то одной очереди из автомата достаточно, чтобы уничтожить провокаторов. Переводчиком взяли одну из освобожденных женщин-уанка.

Когда приблизились к гуаро, один из них, в красной боевой раскраске и костяной короне, завернутый в шкуру ягуара и увешанный различными примитивными украшениями, поднялся и шагнул навстречу.

– Кхуко приветствует доблестных воинов-уанка и желает говорить с ними!

– И мы приветствуем Кхуко и его мужественный народ гуаро! Что он хочет, зачем сюда пришел, разве ему было плохо в своих землях?

– Голод и враги пришли на нашу землю. Народ гуаро умирает и ищет новое место для жизни. Дайте нам его, и между нами будет мир.

– Ну и наглец! – не выдержал Антоненко. Обернувшись к Качи, он проговорил: – Получили по морде да еще и землицы требуют!

– Нашу землю можно взять, только уничтожив уанка! – ответил за всех Качи. – Кхуко! Пусть гуаро уходят, или вы умрете. Я все сказал. Уходи.

– Отдайте нам сына вождя. Он наследник. Без него мы не уйдем. Вождь дает за него вот это. – С последними словами к Кхуко подбежал один из дикарей и передал ему кожаный мешок. Развязав шнурок, парламентар показал содержимое мешка.

– Опа-на! Это ведь наша бижутерия! – присвистнул Николай, увидев кольца, серьги, золотые украшения и другие драгоценности, изъятые Уваровым у Дрынко еще на ледниковом озере. – Как они сюда попали? Неужто урки увели?

– Для нас это ничего не стоит. Но мы вернем вам пленных, если вы уйдете назад, за Большую реку. Если нет, то мы убьем всех гуаро, – спокойно потребовал Качи. Он чувствовал свою силу, тем более что им помогали сами боги.

– Мы отдадим за него оружие белых пришельцев, – продолжал торговаться Кхуко, не обращая внимания на требование покинуть землю уанка. – И еще. Мы дадим вам силу огня наших костров.

С этими словами еще один дикарь подбежал к переговорщикам и поставил перед ними небольшой глиняный кувшин грубой работы, наполненный блестящей маслянистой жидкостью желтовато-коричневого цвета.

– Что это? – спросил Качи.

– Масло земли гуаро, – пояснил Кхуко. – Мы бросаем его в костры, они хорошо горят. Если не отдадите пленников, то вы сгорите, как это масло в наших кострах. Я все сказал. Думай.

– Мы не боимся огня. У нас текут полноводные реки. Воды хватит на любой костер. Ответ получишь к полудню. Я все сказал. – С этими словами Качи развернулся и пошел к городу. Следом за ним двинулись и остальные.

Гуаро также быстро собрались и отступили к лесу.

– Что скажешь, Ника Тима – сын бога Виракочи?

В доме Анко Альо собрался малый военный совет.

– Сегодня, или завтра с утра, гуаро пойдут на решающий штурм. Вождь и их шаман Кхуко поняли, что мальчишку просто так мы не отдадим. Они будут нам мстить, – ответил Антоненко. – А что разведка?

– Гуаро поменяли свой лагерь и сейчас стоят на краю поля в лесу. Собрали своих убитых и сложили из них большие кострища напротив города, но не поджигают. Дикари перекрыли всю долину и выставили усиленные посты. К ним просто так не подобрешься. У меня уже трое разведчиков погибли, – пояснил Анко Альо.

– А может, отдать им пацана и пусть проваливают? – предложил Роговой.

Вожди посмотрели на него и покачали головой:

– Васа, ты не знаешь гуаро. Им верить нельзя. Они коварны, всегда обманут. Их надо уничтожить, иначе они не уйдут из нашей долины.

Качи повернулся к Николаю:

– Ника Тима, а ты знаешь, что у них за масло? И что означают слова Кхуко?

– Судя по словам шамана и внешним признакам, очень похоже на нефть. Но откуда она у них? Я переговорил с бывшими пленниками. Гуаро действительно с ее помощью разводят большие костры, сжигая своих мертвых. А не поджигают костры потому, что ждут ветра в нашу сторону. Своеобразная газовая атака. Мы уже с этим сталкивались в ущелье. Выдержать такое невозможно. Нас спасет только Бог, направив ветер в их сторону. Или мы должны отсюда уйти.

Анко и Качи переглянулись.

– Уанка погибнут, но со своей земли не уйдут. Сейчас жрецы совершат обряд и попросят богов направить ветер на гуаро...

– В моем народе есть поговорка: на Бога надейся, а сам не плошай. – заметил Николай. – Пусть жрецы делают, что нужно. Но мы с вами должны готовиться к нападению прямо сейчас...

Наступил полдень. Солнце зависло на северной части неба.

Жрецы совершили обряд и обратились к богам за помощью. Сегодня был особый день. Решалось, жить народу уанка или погибнуть в смертельной битве. Поэтому кроме белых лам в жертву богам принесли и всех пленных гуаро кроме сына вождя.

Николай стоял на стене возле первой катапульты и рассматривал в бинокль дикарей, спокойно выходящих на поле из леса. Их было много, очень много. Не меньше двух тысяч воинов. И они все выходили и выходили...

Перед крепостью Анко Альо собрал всех своих воинов. Выстроившись в два отряда и перекрывая проходы в крепость, стояли копыеносцы Качи. В промежутках между ними и с флангов – остальные воины. За спинами мужчин заняли место молодые женщины и девушки с пращами в руках. Стыдно отступать, когда рядом бьется любимая жена или невеста. На терра-

сах крепостных стен готовились к отражению штурма мальчишки и старики. Весь народ готов был погибнуть в схватке, но не отдать свою землю врагу. Сотню самых умелых лучников вождь выдвинул вперед. Они первыми вступят в битву, осыпав врага тучей стрел.

На крыше ближайшего высокого дома Валью установил шест с легкой яркой тряпицей, и теперь Николай периодически посматривал в ту сторону. Но тряпка висела без движения.

В бинокль было хорошо видно, как шаманы гуаро, кружась, водят хороводы вокруг погребальных костров, вознеся руки к небесам. Танцуя, они переместились в сторону Уанка-канча. Вслед за шаманами начала свой дикий танец и вся масса дикарей. До ушей защитников крепости доносилась монотонная, но страшная песня. Гуаро вводили себя в воинственный транс. Вслед за песней над долиной раздался гром десятков барабанов из человеческой кожи и рев морских раковин. Эти звуки становились все громче и громче, постепенно превращаясь в боевой ритм, под который самому хотелось исполнить дикий танец и, презирая смерть, кинуться в битву.

Вдруг совсем рядом громко заиграли флейты и забили барабаны. Послышалась знакомая мелодия. Это жрецы и старики уанка поднимали боевой дух своих воинов.

Николай снова посмотрел на шест и замер. Тряпка колыхалась на ветру. Постепенно над кострами дикарей поднимался в небо серо-черный дым. Его несло к городу.

– Разожгите костер и молитесь богам! – крикнул Николай жрецам и старикам. – Все молитесь! Вдруг поможет!

Сначала его не поняли, но подбежавший Валью быстро все растолковал. Недолго думая женщины, старики и подростки бросились разбирать соломенные крыши ближайших домов, неся все в один большой костер.

– А, гори оно все синем пламенем! Чему быть, того не миновать! – в сердцах сплюнул Антоненко. Достав фляжку с самогоном, Николай сделал несколько больших глотков, затем машинально передал ее Валью. Воин, следуя его примеру, сначала хлебнул, но затем так скривился, что Николаю стало жалко верного уаминка. – Больше эту гадость никогда не пей! Понял меня?

Подойдя к костру, он вылил в него всю самогонку. Огонь вспыхнул с новой силой, поднимая дым высоко в небо. Ветер сносил его в сторону... В сторону дикарей!

Хвала небесам! Спасибо богам! Кому там еще? Всем – хвала!

Не сдерживаясь и плюнув на приличия, Антоненко во все горло заорал и запрыгал на месте, как мальчишка:

– Ура-а-а-а!!!

Возле второй катапульты этот крик поддержал Роговой.

Вслед за ними закричали и остальные. Этот воинский клич передался по рядам и теперь каждый уанка кричал «Ура-а-а!»

Оба дыма, направляясь навстречу друг другу, все выше поднимались в небо. Наконец они, перемешавшись, слились в один большой клубок. Бродяга-ветер сносил его в сторону от долины, через горный хребет...

Обозленные неудавшейся газовой атакой, гуаро, волна за волной, бросились на штурм. Впереди, как и в ущелье, шли воины с большими плетеными щитами, прикрываясь ими от возможных стрел и камней обороняющихся. Видя это, лучники-уанка начали посылать свои стрелы по навесной траектории в середину толпы дикарей. Почти каждая стрела, из-за плотности наступающих, находила себе цель. Сделав несколько залпов, лучники отошли и заняли места позади копыеносцев со щитами.

Как только первые ряды гуаро поравнялись с небольшими горками камней, выложенными на поле заранее и обозначающими дальность стрельбы катапульт, Николай дал команду:

– Бей!

Вслед за первой катапультой выстрелила и вторая.

В результате попаданий было снесено несколько щитов, и движение гуаро вперед немного замедлилось. Воспользовавшись этим, осажденные осыпали их градом камней и тучей стрел. Но и дикари не остались в долгу. В защитников крепости также полетели стрелы и дротики из копьеметалок.

Приказав Валью непрерывно стрелять из катапульти, Антоненко, подхватив карабин, стал выцеливать вождей и шаманов гуаро, гнавших своих воинов на штурм. Пулю за пулей он посылал в гущу наступающих дикарей, но Николаю никак не удавалось убить самого главного вождя. Среди этой бегущей и орущей толпы, размахивающей своим оружием, было трудно его найти.

Примеру Антоненко последовал и Роговой, очередями из пулемета выбивающий целые группы атакующих. Но они все прибывали и прибывали. Под стенами крепости столкнулись две разъяренных схваткой толпы людей, убивающих друг друга. Только отряды копьеносцев Качи остались стоять сплошной стеной щитов, со скоростью строчащей швейной машинки побивая своими длинными копьями наступающих дикарей. Все остальные уанка и уаминка разбились на индивидуальные схватки, все больше проникая в ряды гуаро. Анко Альо приказал всем лучникам и женщинам вернуться в крепость, чтобы с высоты стен-террас поражать врагов. Все подходы к Уанка-канча постепенно покрывались телами убитых гуаро и уанка. Как ни яростно бились защитники крепости, но гуаро постепенно начали теснить их к частоколу и стенам. Вождь уанка принял решение отступить в крепость. Под прикрытием отрядов Качи, закрывающих оба прохода, все воины постепенно, отбиваясь от наседавших на них дикарей, отошли в город.

Видя, что из-за длинных копий им не подступиться к копьеносцам, а дротики и стрелы с каменными наконечниками не пробивают щиты фаланги, при этом сами они несут ощутимые потери, гуаро, подчиняясь призывному бою барабанов, отошли на расстояние, недостижимое для стрел и камней уанка. Антоненко и Роговой попытались достать их из камнеметов, но оказалось, что вожди гуаро быстро учатся воевать. Они не стали ждать, стоя на месте, когда в них попадет порция крупных камней, а просто «распылили» свои отряды по полю, увеличив интервалы и дистанцию между воинами. Так что стрельба по площадям оказалась не очень результативной.

Наступила небольшая передышка.

Проверив оставшиеся патроны, Николай расстроился. В карабине осталась последняя обойма, к автомату – один неполный магазин, и две обоймы к ТТ. У Рогового – только полдиска патронов. Правда, еще была граната Ф-1, но это на крайний случай. Для большей уверенности Антоненко подобрал себе двухметровый кол из очень крепкого местного дерева, служивший опорой для навеса. С обожженным на костре концом, он был в несколько раз толще используемых уанка копий.

«Против лома нет приема! – невесело усмехнулся Николай. Патроны кончаются, а это оружие – вечно!»

Пользуясь возникшей передышкой, жрецы и женщины перевязывали раненых; воины по возможности уносили своих убитых.

Есть не хотелось, только пить. Николай жадно прильнул к кувшину с прохладной водой, поданному оказавшейся рядом Тани. Пользуясь моментом, он захотел с ней переговорить, но девушка быстро ушла.

«Действительно – с характером! – расстроился Антоненко. – Вроде бы и ухаживает, и заботится, а как поговорить – так убегает!»

Переговорив с вождями и узнав о потерях, решили оборону держать на стенах города. Кроме двух проходов, в крепость другого пути нет. Если, конечно, не обойти ее обходными тропами через горные хребты, окружавшие долину. Штурмовать крепости дикари не умеют, разве что блокируют выход в долину, разместившись в ней. Но из крепости есть выход –

через перевал, так что блокада ничего не даст. Сложилась тупиковая ситуация. Гуаро не могли штурмовать, а уанка – нападать, осталось мало сил.

– Хватит ли нам продуктов выдержать осаду? – поинтересовался Антоненко у Анко Альо.

– Последний урожай был хорошим, да и у пастухов в горах стада лам большие, – ответил вождь. – Нам-то хватит, а вот гуаро останутся голодными. Они уже всю живность в долине съели. Скоро друг друга есть начнут...

– Или снова на штурм пойдут. Посмотри туда, что-то мне это не нравится! – тревожно произнес Николай, поднося бинокль к глазам.

От лагеря дикарей к крепости неторопливо шли несколько десятков воинов. Часть из них держала в руках горящие дымящиеся ветки и головешки. Но большинство несли в руках по несколько небольших глиняных кувшинов, переплетенными лианами. Кувшины несли аккуратно: видно, боялись что-то разлить.

– Мать вашу через колено! Выкуривать нас собираются! Не зря шаман обещал сжечь! – выругался Антоненко. Обернувшись к воинам и женщинам, он крикнул: – Тащите как можно больше воды и одеял. Тушить будем!

Вскинув карабин, Николай стал тщательно прицеливаться и выбивать воинов, несших кувшины с нефтью.

– Вася! Бей по гадам, чтобы нефть до нас не донесли, а по дороге всю разлили!

Но места убитых занимали живые.

Поджигая нефть и раскручивая горящие кувшины на лианах, гуаро подбегали и бросали их в воинов Качи, стоявших в проходах, а также в защитников на стенах. Кувшины, разбиваясь, обливали всех горячей жидкостью. Горела одежда и щиты у копеечников, на домах занялись соломенные крыши. А дикари все подбегали и бросали в защитников горящие кувшины. Не все из них оставались невредимы, стрелы и камни уанка многих ранили или убивали. Но эта огнемётная атака внесла сумятицу в ряды защитников. Кое-где даже возникла паника. Часть воинов были вынуждены бросить оружие и нарушить строй, чтобы потушить горящую на себе или товарище одежду. Воинов накрывали одеялами и поливали водой. Так же поступали и на стенах крепости.

Воспользовавшись этой суматохой, гуаро вновь пошли в атаку, забрасывая уанка стрелами и дротиками. Благодаря замешательству в рядах осажденных, дикарям удалось оттеснить воинов, защищавших ближайший к Антоненко проход, и проникнуть в крепость. Николай со своими воинами бросился наперерез.

– Нате, суки! – Он выпустил в поднимающихся по ступеням гуаро весь оставшийся автоматный магазин. Но вместо убитых появились другие. И они все напирали. Запустив ненужный уже автомат в дикарей, Антоненко схватил приготовленный кол. Увидев перед собой почти двухметрового белого гиганта с громадной дубиной, заслонившего собой весь проход, наступавшие немного опешили и остановились. Воспользовавшись этим, Николай ударил двоих ближних гуаро по головам, а третьему, отбив в сторону его дубинку, вонзил кол прямо в грудь. Падая, тот обхватил кол руками и увлек его за собой. Чтобы не упасть следом со ступеней, Антоненко пришлось отпустить свое оружие. Теперь у него оставались только пистолет и десантный нож.

– Врешь, не возьмешь!

Сделал из пистолета пару выстрелов, но вдруг что-то больно ударило по голове, затем в левое плечо. Потемнело в глазах. Николай упал. Рядом грохнула граната, осколки которой выкосили часть наступавших дикарей. Валью и воины-уанка оттащили Антоненко от прохода, заняв его место и продолжая добивать оставшихся на лестнице гуаро.

«Васек лимонку бросил! Теперь – все! Нет карманной артиллерии! – пронеслась в голове неутешительная мысль. Машинально проведя рукой по лицу, Николай открыл глаза и увидел кровь на пальцах. – По черепку попало! Но если думаю и вижу, значит – еще живой! – Из

левого плеча торчала длинная стрела, при каждом движении отзываясь острой болью. – Хоть бы не отравленная!»

Вдруг кто-то аккуратно приподнял его голову, и нежные женские руки мокрой тряпицей вытерли лицо.

– Тани?!

– Да, Ника Тима, я! – послышался тихий приятный женский голос, и несколько соленых капель упали ему на лицо.

– Ты плачешь? Не надо! Все будет хорошо! Я люблю тебя!

– И я...

Но девушка не успела продолжить. Подошедший к ним жрец-уанка привычным движением выдернул стрелу, оказавшуюся без наконечника, но с острым срезом. Резкая боль пронзила все тело, отдаваясь в мозгу. Затем жрец какими-то неприятно пахнущими мазями смазал раны на плече и голове. Все это время Тани, нежно поглаживая, держала голову Николая у себя на коленях.

Валью с другими воинами удалось сбросить гуаро со ступеней. Теперь снизу доносились шум и крики смертельной схватки.

Вдруг Николай услышал резкий свист. Он его слышал давно, в молодости. Но такое забыть невозможно. Этот свист знаком ему еще с Афгана – пронзительный свист приближающейся мины... Короткое шуршание – и громкий недалекий взрыв... Еще свист и взрыв. Еще и еще...

Где-то вдалеке длинной очередью ударил пулемет, за ним еще один и еще...

– Поднимите меня на стену!

Тани, жрец и двое стоявших неподалеку подростков еле подняли Николая, подведя его поближе к краю стены-террасы.

Поле перед городом было перепахано воронками от мин и усыпано трупами гуаро. Под стенами крепости воины-уанка добивали оставшихся врагов. Часть дикарей попыталась скрыться в лесу, но бывшие им во фланг от ручья пулеметы косили их десятками. Из леса навстречу им выходила жидкая цепочка попаданцев, периодически постреливая в мечущихся по полю врагов. За бойцами двигались плотные ряды уаминка, грозно размахивая оружием и крича. Пулеметная стрельба прекратилась. У ручья на поле стали выезжать всадники. Выстроившись лавой, они пустили своих лошадей вскачь, по пути рубя головы дикарям, перепуганным невиданным зрелищем.

Один из этих всадников показался Николаю очень знакомым. Даже сердце защемило.

«Эх! Где-то бинокль обронил! – он постарался напрячь зрение, но другое, отцовское чувство, уже подсказало ему: – Макс? Неужели Максимка?! Сынок! Взрослым стал... Настоящий казак!»

Глава 4

Максиму «не повезло». Как ни рвался он в первые ряды на помощь осажденной дикарями крепости, но всадники Новицкого вышли из Уаман-канча последними. В горной лесистой местности кавалерии не развернуться. Поэтому виракочи шли вторым эшелонам, слишком уж медленно они передвигались.

Сразу же после получения известия о нападении гуаро на крепость Синчи Пума отправил на помощь шесть сотен воинов, находившихся у него под рукой. К утру, извещенные гонцами, из других селений и крепостей племени должны были прибыть еще около восьми сотен воинов. Это, конечно, было риском – оголять границы племени, собрав всех воинов в одном месте. Но старый вождь знал своих соседей и надеялся на то, что они не будут столь коварны и не воспользуются моментом пограбить, когда Синчи Пума с воинами сражается на другой границе. С соседями был заключен мир, подкрепленный армией Сапа Инки, но сейчас идет война внутри империи, и неизвестно, как себя поведут вожди других племен. Была еще надежда на виракочей, но их малочисленность делала эту надежду слабой. Ставка была на другое. Всякое коварство будет жестоко наказано. Соседи знали, что Синчи Пума не прощает таких подлых ударов в спину. После разгрома дикарей он обязательно повернет своих воинов против напавших на его селения, и тогда тем не поздоровится. А с сильным и обозленным уаминка никто не хотел связываться.

Когда виракочи подошли к крепости, битва за нее уже закончилась.

Уаминка, разделившись на три отряда, окружили напавших на крепость пять сотен дикарей и всех перебили; правда, не без потерь со своей стороны. Полностью был вырезан и лагерь гуаро, расположенный под крепостью. Старики, женщины и дети. Никто не остался в живых. Некому было сообщить родичам, штурмующим Уанка-канча, о постигшем их поражении.

Проходя мимо уничтоженного лагеря дикарей, Максим и другие молодые бойцы, еле сдерживая рвотные позывы, старались быстрее миновать обезглавленные и изуродованные трупы. Реальность войны – это совсем не то, что в кино, даже в голливудских ужастиках. С экрана не почувствуешь запах смерти – запах крови, развороченных внутренностей и испражнений убитых. Но если ты захотел стать воином, тем более в такие дикие времена, надо привыкать и к этому. Смотри и запоминай. Эту школу жизни заочно не пройдешь. Все надо попробовать самому и пропустить через себя. Быть готовым убивать и самому быть убитым.

К вечеру подошли к ущелью, ведущему в долину уанка. Воины-уаминка уже разобрали каменную стену, построенную дикарями, продвинувшись вперед по ущелью. Проводники-уанка показали тайные тропы, по которым можно незаметно пробраться в долину, минуя ущелье. Несколько сотен воинов ушли по ним в обход лагеря гуаро, расположенного на выходе из ущелья. Другие остались ждать подхода подкрепления.

Огромное изумление вызвало появление во временном стане попаданцев Дулевича с десятью бойцами, пришедших со стороны Большой реки. Как пояснил командованию старший лейтенант-связист, он вместе с бойцами шел по следу уголовников от форта. Как ни петляли урки, но от пограничного пса Мухтара скрыть следы им в этот раз не удалось. В месте, где те свернули от ручья на перевал, Дулевич догнал группу Синякова, прошедшую немного вперед по ручью и вернувшуюся назад. Вместе они вышли на берег реки, где и обнаружили следы строительства плотов. Стало понятно, что уголовники, построив плоты, спустились вниз по реке. Но Дулевич не успокоился. Горя желанием спасти свою Риту и отомстить обидчикам, он отобрал добровольцев, соорудил несколько небольших плотов из связанных лианами поваленных деревьев, и на них спустился по реке. Синяков с остальными бойцами вернулись в форт. Плывая вниз по реке, среди почти вертикальных скал, они увидели кусок пологого и чистого от леса берега. На берегу валялись лодки-однодревки и виднелись следы покинутого лагеря

дикарей. Пристав к берегу, один из бойцов случайно нашел остатки одежды и небольшой женский носовой платочек из своего времени. К ужасу Дулевича и его бойцов, они обнаружили потухшие костры с человеческими останками. Боясь самого худшего, красноармейцы все же двинулись по следам дикарей в глубь леса. В середине пути следы расходились в разные стороны, но им опять повезло. На одном из колючих кустов Дулевич обнаружил кусок материи от платья своей любимой. Пройдя немного вперед, нашли еще несколько таких кусочков. Стало понятно, что Рита таким способом пыталась дать о себе знать, указывая путь, по которому ее увели. Это вселило надежду, что девушка жива. Не давая своим бойцам отдохнуть, Дулевич с удвоенной энергией кинулся в погоню. На подходе к лагерю попаданцев они попали в засаду уаминка. Но все закончилось без схватки. Те, узнав виракочей, провели старшего лейтенанта с бойцами к своим.

– Алексей Аркадьевич! Товарищ подполковник! Разрешите! – умолял Дулевич командира. – Дайте мне бойцов и ручные пулеметы! Я их найду, обязательно найду! Нельзя откладывать, можем не успеть! Мы на берегу видели, как дикари съели людей! Могут и девочек наших тоже! Никогда себе не прощу, что отпустил ее одну!

– Сергей Олегович, извините, но не могу! Если дикари нас раньше времени обнаружат, то мы не сможем застать их врасплох! А это жизни наших товарищей и союзников, – твердо ответил Климович. В сложившейся ситуации командир полка чувствовал себя скверно. Это ведь по его приказу Рита осталась в форте, где ее и захватили уголовники. Виноват он был перед Дулевичем, ой, виноват!

– Головой я все понимаю, но ведь сердцу не прикажешь! Я с ума сойду до утра!

– Терпи Сережа, терпи! Нельзя нам раньше времени карты раскрывать!

Чтобы как-то успокоить разволновавшегося Дулевича, стоявший рядом Уваров посоветовал:

– Сергей! Как пойдем в атаку, ты на воинов-гуаро не смотри. Возьми своих бойцов и хорошенько перепотроши весь лагерь дикарей. Они своих женщин в бой, как уаминка, не берут. Я поговорю с вождем, чтобы воинов тебе для этого дела выделил. Авось и сыщется твоя Рита!

Согласившись на это, старший лейтенант ушел к своим бойцам готовиться к завтрашнему бою. Проводя Дулевича взглядом, Уваров тихо сказал Климовичу:

– Надо бы за парнем присмотреть, а то как бы дров с отчаяния не наломал!

– Да, я тоже об этом подумал. Прикажу сержанту приглядывать за ним, – согласился Климович. – Ох, виноват я перед ними, сильно виноват!

– Не казните себя, Алексей Аркадьевич. Знал бы, где упасть – соломки подстелил! А вообще, прав был ротмистр. Постреляли бы раньше эков, не было бы таких проблем! Здесь человеколюбие и подобная мягкотелость неуместны!

– А как же закон? А совесть? – недоумевал Климович.

– Какой закон? Какая совесть? Мы здесь сами себе закон! А совесть в таких делах надо подальше засунуть! Пока будем в себе ковыряться да червяков в башке искать, нам уже горло перережут, как тем ребятам из дзота!

– Но нельзя же так, мы ведь цивилизованные люди, а не дикари! А суд божий? Вы про него забыли? Забыли, что проливать невинную кровь – это грех великий? – не сдавался Алексей Аркадьевич. – Да. Каюсь. Виноват. Смалодушничал в тот раз. Но нельзя такое отношение к людям ставить за правило! Так и к нам с вами его применить могут! Вспомните себя. Если бы я тогда действовал по такому принципу, вас и ваших современников расстреляли бы в первый день, как немецких диверсантов!

– Спасибо, что не расстреляли. Но здесь все по-другому. Если я не ошибаюсь, то еще в Средние века кто-то из крестоносцев или инквизиторов сказал: «Убивайте всех, Господь на небе узнает своих!» – жестко ответил Уваров. – Это, конечно, грубо, но в нашей ситуации, как в хирургии Яниса Людвиговича, надо было срочно вырезать большую опухоль, чтобы выздоро-

вело все тело. И не говорите мне, пожалуйста, про слезу ребенка. Я не Достоевский, и мы с вами не боги, хотя пока такими и считаемся у местных.

– Поймите, жестокость жестокости рознь. Она хороша при удержании власти, против бунта, ведущего к краху. Но не ради самой казни. Это еще Никколо Макиавелли сказал; кстати, он совсем недавно умер, в одна тысяча пятьсот двадцать шестом году от Рождества Христова, – пояснил Климович. – Я не желаю превращаться в диктатора-людоеда. В любых условиях надо оставаться человеком.

– Жесткость и жестокость – это большая разница, – не согласился Олег. – Я принимаю необходимую жесткость, но так же, как и вы, не принимаю бессмысленную жестокость. Расстрел уголовников – необходимая жесткость, а вот резня воинами-уаминка женщин и детей гуаро – бессмысленная жестокость. Хотя не нам их судить. У каждой эпохи свои нравы. Давайте лучше готовиться к завтрашнему выступлению. Мне очень хочется обнять своего друга Николая живым и здоровым...

Утром вернулись разведчики, наблюдавшие за лагерем гуаро. Они сообщили неожиданную новость. Дикари свернули свой лагерь и перенесли его ближе к Уанка-канча. Гуаро расположились на окраине леса, напротив города, перекрыв всю долину и выставив усиленные посты со стороны уанка. С тыла никакого охранения нет. Всех мужчин вожди гуаро направили на штурм крепости уанка. Есть возможность свободно пройти в лагерь дикарей и захватить его.

Быстро посоветовавшись, решили, что виракочи с лошадьми пойдут вдоль ручья, так как в лесу от них толку мало, а Синчи Пума со своими воинами захватит лагерь врага. После этого уаминка должны присоединиться к виракочам и ударить в тыл гуаро. Климович попросил вождя уаминка не убивать семьи дикарей, а держать их в качестве заложников. На поиски похищенных женщин в лагерь врага также направлялся и Дулевич со своими бойцами.

Первыми по кромке леса вдоль ручья шли проводники-уанка. Следом продвигалась созданная Уваровым огневая группа, вооруженная ручными пулеметами и автоматами. За ними – все остальные. Опять всадникам Новицкого «не повезло». Они шли самыми последними.

По мере приближения к крепости все отчетливее слышались воинственные крики и шум битвы. Иногда даже доносились звуки коротких пулеметных очередей и одиночных винтовочных выстрелов.

У Максима все внутри затрепетало. «Это батя с Роговым бьются! Если стреляют – значит, живы!»

Он увидел, как Григоров со своими минометчиками поднялся на нижнюю террасу и начал устанавливать минометы. Пока бойцы закрепляли опорные плиты и присоединяли к ним стволы с дуногами-лафетами, Андрей в бинокль выбирал ориентиры. Максиму захотелось подняться к другу и также посмотреть в бинокль на битву: может, и отца найдет! Он такого никогда раньше не видел. Все эти ролевики, реконструкторы и толкинисты его времени завидовали бы ему черной завистью. Впереди настоящая битва, которую ты не только увидишь, но и поучаствуешь в ней! Класс! Круто! О том, что его могут ранить или даже убить в этой схватке, Максим не думал. Извечный юношеский максимализм...

Перейдя ручей, пулеметчики залегли у пулеметов. Командовать остался Климович. Уваров повел своих пехотинцев в лес на соединение с воинами Синчи Пума. Когда Григоров доложил о готовности, командир полка отдал приказ открыть огонь. Что тут началось! От минометных выстрелов и пулеметной стрельбы заложило уши. Поле перед городом покрылось пылевым туманом от разрывов мин. Из этого тумана к лесу с криками ужаса бежали дикари, но они тут же падали, сраженные кинжальным пулеметным огнем. Но это продолжалось недолго. По команде Климовича стрельба резко прекратилась и настала очередь действовать Новицкому.

Ротмистр выстроил своих кавалеристов на краю поля лавой, развернутым строем в две шеренги. Причем в первой шеренге находились опытные казаки, а за их спинами, немного

левее своего впереди стоящего, – молодые бойцы. Сам Новицкий занял место в центре перед лавой.

– Держись за мной! – быстро проговорил Степан Левченко Максиму и занял свое место, как урядник, с левого фланга первой шеренги, ближнего к крепости. – Не отставай! Куда я, туда и ты! И башкой крути во все стороны! Руби всех нехристей, кто попадется на пути!

Кони в предчувствии боя, еле сдерживаемые наездниками, гарцевали на месте. Новицкий окинул взглядом строй, выхватил шашку и громко скомандовал по-гусарски:

– Эскадрон! Шашки вон! В атаку! Рысью! Марш-марш!

Вслед за его командой вся казачья лава с гиканьем и залихватским свистом в едином порыве бросилась на бежавших к лесу дикарей. Максим, выхватив шашку, дал Ворону шенкелей и, стараясь не отстать, встав в седле, направил коня вслед за Левченко. Карабин больно бил по спине, панاما слетела от встречного ветра, в глазах зарябило от разбегающихся в диком ужасе гуаро. Многие из них, побросав свое оружие, падали на землю, закрыв голову руками. Но находились и те, кто пытался сопротивляться скачущим на них двухголовым чудовищам. Они в отчаянии бросались с копьями и дубинками навстречу. Да, в смелости дикарям не откажешь! За короткое время скачущий впереди Левченко, свешиваясь с коня то вправо, то влево, лихо зарубил пятерых дикарей, не оставив Максиму ни одного. Те, кто попадался ему на пути, уже были зарублены или упали в страхе на землю. Как смерч пронеслась лава сквозь ряды отступающих гуаро, оставляя после себя множество побитых врагов. Макс даже не успел прийти в себя от увиденного, как они оказались на другом краю поля.

– Не зевай, казак! В строй! – скомандовал Левченко, разворачивая и выравнивая свой фланг, одновременно бегло осматривая ближайших к нему. – Все целы? Сейчас еще раз пройдемся!

Не давая дикарям опомниться, Новицкий бросил своих всадников в новую атаку:

– Эскадрон! Марш-марш!

В этот раз сопротивляющихся оказалось гораздо меньше, но больше стало мечущихся по полю гуаро. Они не знали, куда бежать. От крепости их били уанка, со стороны леса наступали виракочи с уаминка, а по полю скакали со страшными криками и свистом ужасные чудовища на четырех ногах и о двух головах, несущие смерть на своем блестящем в лучах солнца оружии.

Наконец-то Макс «повезло». Прямо на него выскочили два дикаря. Один из них попытался ударить Ворона по морде своей дубинкой, но Макс, действуя машинально, и на чувстве самосохранения, и как учили, ударил его сверху шашкой по голове, разрубив ту чуть ли не пополам. Вдруг обожгло левое бедро. Не обращая на это внимания, Максим перекинулся на другого дикаря, но не успел. Конь грудью сбил того с ног и затоптал копытами. Левченко впереди кровавил свою шашку о других гуаро. Разгоряченный азартом боя и видом первой пролитой им вражьей крови, Макс старался не отставать от своего учителя и, пока доскакал до пулеметов, зарубил еще двоих дикарей. Как ни странно, но его не терзала совесть: правильно ли он поступает, убивая уже практически прекративших сопротивление дикарей. Нечего им было сюда лезть! Тем более что они хотели убить отца и его самого! Это пусть хлюпики и интеллигентики разные пускают сопли по этому поводу. Мы не будем подставлять другую щеку, а смажем так, что слабо не покажется! Добро должно быть с кулаками!

Подскакав к месту сбора, Максим увидел такие же возбужденные лица своих молодых товарищей. Многие из них хвастались друг перед другом: сколько и как зарубил дикарей. Только старшие казаки стояли в стороне и посмеивались между собой, глядя на молодежь. Больше атаки на гуаро не потребовалось. Враг был полностью разбит. Осмотрев всех своих, ротмистр отправил раненых к Баюлису, успевшему развернуть свой полевой госпиталь на берегу ручья, а остальным приказал отдыхать. Лошади, как и люди, тоже устали.

Как ни страшна была кавалерийская атака для дикарей, но они не остались в долгу. Погиб один из молодых бойцов, не сумевший зарубить воина-гуаро, кинувшегося на него. Копье

дикаря проткнуло живот всадника в момент, когда тот замахивался шашкой. Кроме одного убитого, несколько человек получили легкие ранения от стрел и копий дикарей. Но при этом ни один из казаков не пострадал. Потери произошли только среди набранной молодежи. Сказалась кратковременная подготовка, а также отсутствие защитного снаряжения. Пользуясь тем, что бой уже закончен, уаминка под руководством пехотинцев Уварова сгоняли безоружных гуаро в общую толпу пленников, сидящих на земле в центре поля, Максим решил поехать к крепости и найти отца.

– Степан Васильевич! – Максим уважительно обратился к Левченко, как к своему непосредственному командиру в бою. – Дозвольте к батю в город смотаться? Проведать.

– Да я не против, но ты к господину ротмистру за разрешением обратись. Без его согласия никуда из боя отлучаться нельзя: мало ли что... – добродушно ответил урядник, вытирая травой чужую кровь с шашки. Еще несколько минут назад он словно мясник жестоко рубил дикарей, а сейчас перед Максимом стоял милейшей души человек. Для Левченко война и убийство на войне стали просто тяжелой работой, к которой со временем привыкаешь без особых эмоций. Воин в битве – это тот же убийца, но с совестью и честью, служащий Богу и своему народу.

Ведя Ворона в поводу, Максим подошел к Новицкому, поправлявшему седло коня.

– Господин ротмистр, разрешите обратиться? – Он для себя решил, что к Новицкому, Невзорову и Костромину будет обращаться «господин», а не «товарищ» или «ваше благородие». Так проще для них и для него. – Разрешите в крепость съездить, отца поискать. Мало ли что. Переживаю.

Новицкий, повернувшись к Максиму, оглядел его сверху вниз и произнес:

– Хорошо. Но один вы не поедете. Осадчий! – Ротмистр окликнул находившегося неподалеку бородатого казака-характерника. – Сопроводите юнкера Антоненко в крепость. Помогите ему найти отца. Но сначала – в лазарет. Пусть его ногу врач посмотрит. Идите.

Только сейчас Максим заметил, что его левая штанина разорвана и в крови. Кровь запеклась и одежда прилипла к бедру. Он еще не до конца вышел из стрессовой ситуации боя, поэтому сильной боли не испытывал.

– Что, казаче, зацепила тебя вражья пика? – подошел, улыбаясь, Осадчий. – Пошли в лазарет, там тебя доктор та его сестрицы зараз вылечат!

Баюлис, осмотрев ногу, только усмехнулся.

– С боевым крещением, Максим! Это не рана. Так, мелочь. Шкурку содрало да тканей немного вырвало. Кость цела, а мясо нарастет. Я почистил, сейчас медсестра придет и перевяжет. До свадьбы заживет!

Обернувшись к палатке, Янис Людвигович крикнул:

– Варя! Перевяжи бойца. Легкое у него. Левое бедро.

Выглянув наружу, Варя посмотрела, кого надо перевязать, и вернулась назад. До ушей Макса донесся ее приглушенный голос:

– Оксанка! Там твоего... Раненым привезли...

– Что?! Максим?! Где он?

Из палатки выскочила взволнованная и раскрасневшаяся Оксана. Зажав в руке бинт и флакончик йода, она тревожно начала искать глазами Максима среди расположившихся недалеко бойцов и воинов-уаминка.

– Не нас ли ищешь, красавица? – весело позвал девушку Осадчий.

Увидев Макса, сидящего на большом камне с распоротой окровавленной штаниной, Оксана кинулась к нему.

– Максимушка! Родненький! Живой!

Девушка, подбежав, обняла голову парня и прижала ее к своей груди. Затем поцеловала его в лоб, щеки и губы. Макс, не ожидавший такого проявления чувств, немного опешил и даже покраснел, смущенно оглядываясь по сторонам. Но окружавшие их бойцы не смеялись, а

только улыбались, по-хорошему завидуя своему товарищу. Каждый мечтал, что вот так будет встречать его любимая жена или невеста.

Успокоившись, Оксана немного отстранилась и посмотрела на раненую ногу:

– Как нога? Что Янис Людвигович сказал?

– Сказал, что до свадьбы заживет! – вместо Макса, улыбаясь, доложил Осадчий. – Так что давай, сестрица, перевязывай своего жениха, чтобы быстрее зажило, а то нам с хлопцами на свадьбе дюже погулять охота!

– Рановато нам еще свадьбу играть! – весело ответила Оксана. – Приданое еще не собрано!

– Так в чем же дело? – сделал удивленный вид казак. – Сейчас местных перетрясем – и все будет! Ты только соглашайся: смотри, какой казак у нас лихой!

– А пусть он сам сначала попросит, без таких сватов, как вы! – рассмеялась девушка. – А то перевязывать не буду!

Сидевшие рядом бойцы, смеясь, стали подбадривать Максима шуточными криками:

– Давай, Максим! А то сами свататься начнем! Смотри, опоздаешь! Таких красавиц мало, быстро женихи сыщутся!

Максим, не ожидая такого поворота событий, – в его время такие дела быстро не решались, да и не умел он делать предложений подобного рода девушкам, – еще больше покраснел и засмутился.

– Не робей, казак! Шашкой нехристей сек, а перед зазновой занемог! – подбадривал его Осадчий. – Люба дивчина? Так чего ж ты смутился? Бери, а то другие перехватят!

Макс решился. А действительно, чего тянуть! Любит же он Оксанку, и она, судя по ее первой реакции, тоже! Парень встал и только теперь почувствовал боль в ноге. Но, стараясь не обращать на нее внимания, повернулся к девушке и принял серьезный вид. Вокруг сразу же наступила тишина.

– Оксана! Я тебя люблю! Выходи за меня замуж!

Девушка тоже смутилась и еще больше покраснела. Опустив глаза, она тихо произнесла:

– Я тебя тоже люблю! Я согласна!

Затем подошла к Максиму, обняла его за шею и крепко поцеловала в губы.

– Любо! – крикнул Осадчий.

– Любо! Любо! – поддержали его бойцы.

– Ну а я буду посаженным отцом на свадьбе, – строго произнес появившийся рядом Баюлис. – Так, ребятки. Хватит влюбляться и жениться. Про главное забыли. Оксана! Перевяжи ему рану. Потом о свадьбе будете договариваться. Сейчас пойдем вместе со жрецами к гуаро. Там раненых много.

– Я сейчас, сейчас... я быстро... – опомнившись, пролепетала девушка и, повернувшись к Максиму, добавила: – Снимай штаны...

– Да... я... неудобно как-то... – смутился Макс. – Люди кругом...

– Дурачок. Я не в том смысле. Перевязывать мешают, – рассмеялась Оксана. – Да и постирать их надо, и зашить.

– А я в чем буду? У меня других нет! – снова покраснел Макс.

– Эх, ваши благородия! – усмехнулся Осадчий, доставая из седельной сумки сверток. – На, возьми мои запасные шаровары. Может, подойдут. Заведи себе тоже, мало ли что. Пригодятся.

Дальше все произошло быстро и без особых переживаний.

Макс снял камуфляжные штаны, Оксана смазала и перевязала рану. Затем, на прощанье, поцеловала его в щеку и, взяв порванную одежду, ушла в палатку. Переодевшись, Максим сел на коня, и они с Осадчим двинулись к крепости уанка.

Отца нашли сразу. Он вместе с Климовичем, Уваровым и вождями союзников стоял перед крепостью, что-то обсуждая. Голова и левое плечо Антоненко-старшего были перевязаны. За спиной отца маячил молодой воин-уаминка с немецким карабином на плече и копьем в руке. Это был Валью, единственный из четырех приставленных к виракочам Синчи Пумой воинов, оставшийся в живых. Увидев подъезжающего сына, Николай, извинившись перед остальными командирами и вождями, бросился к нему:

– Максим! Сынок! Живой! Видел я, как ты дикарей рубил! Молодец! Дай я тебя обниму!

Соскочив с коня, сын попал в объятия отца, у которого за это время уже выросла изрядная борода. Обменявшись своими впечатлениями о прошедшей битве и полученных в ней ранах, Максим решил рассказать отцу о своем предложении Оксане.

– Бать! Я, наверное, скоро женюсь! – смущенно произнес парень.

– Давно пора! А то я уже внуков хочу! – улыбнулся отец. – А Оксанка согласна? Другой кандидатуры в невестки я не знаю.

– Другой и не будет. Она согласна.

– Ну вот и ладненько, – обрадовался Николай. – Скажу тебе по секрету. Я сам – не наверное, а точно, – тоже скоро женюсь.

– И ты?! – искренне удивился Максим. – Когда ты успел? Ведь сколько лет после мамы к тебе в жены разные дамочки набивались, а ты все холостяковал. А здесь, побыл всего ничего, и раз!..

– Сейчас увидишь – и все поймешь! – Николай подмигнул сыну и обернулся к женщинам, перевязывающим невдалеке раненых воинов-уанка. – Тани! Подойди, пожалуйста, хочу тебя с сыном познакомить!

Одна из молодых женщин-уанка приподнялась и повернулась к ним. От удивления Макс замер на месте. На него смотрела его мать, Мария Петровна Ковальчук! Но только та – молодая, – которую он запомнил своей детской памятью и видел на фотографиях, где родители были еще молодыми. Машенька, как ее любовно называл отец...

Несколько дней виракочи оставались в долине уанка. Решали, что делать с оставшимися в живых пленными гуаро и их семьями, помогали устранять последствия нападения дикарей на своих союзников, участвовали в церемонии похорон погибших в битве воинов.

Им стоило огромных трудов остановить поголовное уничтожение племени гуаро. И Синчи Пума, и Анко Альо со своими воинами были настроены решительно. Никакой пощады врагу, всех вырезать под корень: от младенцев до женщин и стариков.

Обе стороны имели чувствительные для своих народов потери.

Гуаро за время боев с участием попаданцев потеряли воинов больше, чем за всю долгую войну с другими племенами, выгнавшими их со своей земли. Из всех воинов, перешедших через Большую реку, в живых осталась едва треть. И большинство из выживших – раненые. Семьи гуаро также пострадали. Пока их мужчины гибли у крепости от виракочей, в лагерь дикарей ворвались пришедшие с ними уаминка и учинили настоящую резню, убивая без разбора всех: раненых, стариков, женщин и детей. Такой жестокий здесь мир. Убей или сам погибнешь. Что для попаданцев казалось дикостью, для местных было обыденным делом. Борьба за выживание, ничего более...

У гуаро погибли все вожди и почти все шаманы, так как их отстреливали в первую очередь. Некому было объединить гуаро и заботиться о них. Пленный сын вождя был еще слишком юн, чтобы вести за собой народ, да и после всех событий мало кто бы ему подчинился. Вождей гуаро выбирали себе только на время войн. В мирной жизни каждый клан жил сам по себе, даже иногда воюя друг с другом из-за охотничьих угодий или плодородного клочка земли.

Всех погибших дикарей сожгли на огромных кострах вдалеке от Уанка-канча, подобрав момент, чтобы ветер дул в другую сторону. Никто их хоронить и не собирался. Трупы уби-

тых собирали выжившие сородичи под охраной воинов-уаминка и казаков на лошадях. Они же засыпали воронки от мин. Пепел от погребальных костров пошел на удобрение для полей. Дикари были растеряны и подавлены. При приближении всадника гуаро падали на землю, прикрывали голову руками и кричали свои молитвы. Воины и их семьи голодали. Этим и объяснялся их отчаянный штурм. Но был строжайший приказ: не давать им есть трупы. Несколько дикарей попытались оторвать части тел своих погибших сородичей, но их пришлось пристрелить или зарубить шашками, так как слова на них не действовали. Климовичу и Антоненко с трудом удалось уговорить Анко Альо выделить продукты для голодающих. Вождь уанка категорически отказывался это делать, ссылаясь на то, что у самих осталось немного, и новый урожай будет меньше, так как все всходы на поле перед городом были вытоптаны и уничтожены во время битвы. Только после обещания в течение трех дней убрать с его земли непрошенных гостей уанка пригнали караван лам с продуктами. Но прокормить три тысячи оставшихся гуаро все же было проблематичным. Всех дикарей до решения их судьбы переместили за границу долины, через ущелье, поближе к Большой реке. Подальше от глаз обозленных на них уанка.

В доме вождя уанка шло бурное обсуждение будущей судьбы побежденных.

– Пусть убираются к себе за реку и там подышают! – воскликнул Анко Альо на предложение выделить еще еды. – Они пришли нас убивать, почему я должен их жалеть и кормить?

– Гуаро вернутся на свои земли. После такого разгрома они сюда больше не сунутся. Будут буфером между вами и другими дикими племенами, – пояснил свою просьбу Климович. – Но если они сейчас вымрут, то завтра на вас могут напасть новые дикари из-за Большой реки! Надо думать об этом!

– Сын Виракочи! Ты не знаешь гуаро. Они подлы и коварны, как и все дикари, живущие по ту сторону Большой реки. Враг, пришедший на нашу землю, должен погибнуть на ней. У него не должно продолжиться потомство. Из мальчика гуаро вырастет мужчина-воин, воспитанный оставшимися в живых женщинами и стариками на ненависти к нам. И он придет к нам, чтобы отомстить. Их женщины нарожают новых воинов. И так без конца. Эту нить надо рвать сейчас, потом будет поздно, – возразил Синчи Пума. – Все дикари должны запомнить и передать в поколениях: не ходи туда – там тебя ждет смерть!

– А мы возьмем часть их детей себе в заложники. Под угрозой их смерти гуаро не посмеют на вас напасть и подчинятся вам, – предложил Уваров. – Как сделал Сапа Инка с подчиненными им народами.

– Ты наивный, виракоча! – рассмеялись Синчи Пума и Анко Альо. – Люди гор, такие как мы, любят своих детей и ради них готовы на все. Нас мало, и для нас каждый ребенок – это дар богов. Но дикари сельвы – это не мы. У гуаро много детей, и им на них плевать. В голодные годы дикари пожирают своих детей. Одни умрут – других нарожают. Всех гуаро надо убить.

– Но ведь они хотели выкупить сына вождя за золото и нефть? – не понял Антоненко.

– Они проверяли нас. Слабы мы или сильны духом, – пояснил Качи. – Если бы мы согласились, то они все равно бы не ушли, а бились с нами.

– Нам нужна нефть. Масло их земли, – раскрыл карты Климович. – Без гуаро нам будет тяжело ее найти.

– Зачем это вам?

– Это пища для наших машин. Это свет в наших домах. Это страшное оружие, от которого все горит. Вы сами уже испытали его на себе, – пояснил вождям Антоненко. – Если вы поможете нам захватить земли гуаро и добыть много нефти, то станете непобедимы для врагов. Мы поможем вам освободиться от империи инков и подчинить себе другие племена. Подумайте об этом. В обмен на вашу помощь я предлагаю вам стать вождями вождей. С нашей помощью, конечно...

– А как же Сапа Инка?!

– Свято место пусто не бывает...

Это было опрометчивое предложение, пришедшее Николаю в голову только что, он даже предварительно не советовался ни с Уваровым, ни с Климовичем. Но, как говорят в народе: куй железо, пока горячо. Это делать надо сейчас, потом будет поздно.

Вожди переглянулись между собой и задумались. Они прекрасно понимали, что если бы не помощь виракочей, то война с гуаро была бы долгой и кровопролитной. И неизвестно еще, кто бы в ней одержал победу. Но погибло бы намного больше воинов и членов их семей. Вожди были в долгу перед виракочами, но идти со своих земель в чужие джунгли им явно не хотелось.

– Сыны Виракочи! Дайте нам время подумать. О своем решении мы скажем утром!

С предложением Антоненко единогласно согласились все командиры. Просто другого выбора у них не было. Боеприпасы заканчивались и не пополнялись, после боя все бойцы и детвора-уанка собирали по полю гильзы. Бензина тоже осталось мало. О производстве самогона в больших объемах для автомобилей до следующего большого урожая не могло быть и речи. Сейчас они существуют только благодаря помощи уаминка. Надо было дать что-то взамен, кроме веры в белых богов – сынов Виракочи. Кроме обещаний дать вождям свободу от империи инков и сделать их могучими и всемогущими, наши попутчики в действительности ничего предложить не могли... пока.

Но эффект, произведенный действием оружия виракочей и их всадников, сыграл свою роль. Пораженные возможностями пришельцев, вожди дали согласие и выделили несколько сотен воинов для захвата бывшей земли гуаро, но с условием: выгнать тех за Большую реку.

По предложению Климовича, вожди согласились на своем берегу Большой реки построить форт и полностью перегородить высоким забором весь пологий прибрежный участок, этот своеобразный плацдарм, образованный природой и дающий возможность дикарям беспрепятственно нападать на уанка и уаминка. Строительство надо завершить до начала сезона дождей, иначе почти на три месяца придется его отложить.

На следующий после битвы день в долину уанка пришла группа Попова с Вайрой и его уаминка из Уаман-канча. Попов хотел было доложить, что перехват не удался, но, узнав, что девушки уже освобождены Антоненко, а уголовники съедены дикарями, обрадовался и попросил, чтобы его направили в рейд на земли гуаро.

Найдя свою Риту живой, Дулевич очень обрадовался. Теперь он при каждой возможности высказывал Антоненко благодарность и свое уважение. Правда, состояние здоровья Риты и ее подруги по несчастью после надругательства над ними со стороны дикарей вызывало опасения у Баюлиса. Если с физическим здоровьем более-менее все обошлось, то психическое состояние девушек заметно ухудшилось. Они ни с кем не хотели общаться, стали замкнутыми и почти ничего не ели. Баюлис был бессилен что-либо сделать. Здесь нужен был хороший психотерапевт, а не хирург. На помощь пришел верховный жрец Иллайюк. Он вместе с другими жрецами уаминка и уанка предложил Баюлису провести с девушками своеобразный обряд очищения.

В обряде принимали участие только Иллайюк, жрецы племен, обе девушки и Баюлис, которого жрецы стали считать своим коллегой по ремеслу, так как он лечил людей.

Девушки сначала никуда не хотели идти, тогда Иллайюк через Баюлиса попросил их выпить немного напитка, напоминающего густой ароматный кофе. Не успев допить его, обе почти сразу потеряли сознание. Их аккуратно положили на крепкие носилки и процессия медленно двинулась в горы. Всю дорогу несколько жрецов обмахивали носилки с девушками ветками с большими листьями и окуривали дымом из маленьких горшочков. Остальные пели какую-то заунывную песню (как ни странно, помогавшую идти) и несли охапки веток неизвестного Баюлису растения. Идя под эту песню, Янис Людвигович не заметил, как они оказались на одной из вершин, окружавших долину. На вершине имелась большая ровная площадка, окруженная со всех сторон прямоугольными блоками из камня. В центре площадки также имелись

четыре каменных блока, выложенных в форме креста, но не соединенных в центре. На месте соединения находилась огромная каменная чаша с остатками давно потухшего костра. На двух блоках жрецы постелили одеяла и уложили на них девушек, ногами к центру. Принесенные ветки жрецы сложили в чашу, и Иллайюк разжег костер. Затем он достал из своей сумки средних размеров тыквенную бутылку, глотнул сам и дал выпить каждому из присутствующих, в том числе и Баюлису. Янис Людвигович почувствовал немного неприятный вкус густой жидкости. Постепенно его тело начало наливаться непонятной для него легкостью и одновременно силой. Было ощущение, что он один может спокойно двигать эти камни, каждый из которых весил не меньше десяти тонн, а то и больше. Зрение настолько обострилось, что он мог различить даже маленькие трещинки в камнях, находящихся в десятках метрах от него. В это время Иллайюк начал громко и гортанно выкрикивать что-то наподобие песни. Затем он достал из своей сумки и поджег какое-то вещество. В такт песне верховный жрец начал медленно кружиться и махать руками, исполняя свой незамысловатый танец вокруг каменного креста с лежащими на нем девушками. От его разноцветной одежды и круговых движений зарябило в глазах. Баюлис вместе с другими жрецами встал вокруг креста со все сильнее разгорающимся костром. Жрецы подпевали Иллайюку и в такт песне пританцовывали на месте, хлопая в ладоши. Янис Людвигович постепенно начал входить в ритм, и через некоторое время уже пел и танцевал вместе с остальными. Дым от костра не нес гари, а был сладким и приятным. Он мягко обволакивал находящихся на вершине. Баюлис не понимал, что с ним происходит. Все действие, происходящее перед ним, было в замедленном виде. Складывалось впечатление, что он видит наперед, что будет делать верховный жрец. В голове творилось что-то невообразимое. Как будто перед тобой десятки огромных экранов-экранов, и на каждом из них, как в кинотеатре, проходит жизнь всех присутствующих здесь. На одном из экранов он увидел себя, Антоненко, Уварова и Максима; как они собирались на рыбалку в Киеве и ехали на злополучное озеро. На соседних экранах были лежащие перед ним девушки, за несколько дней до переноса в этот мир. Затем картинки начали быстро мелькать, и вдруг на всех экранах одновременно показалась одна картина. Картина захвата девушек уголовниками и попадания в плен к дикарям. Песня стала громче и звучала все более угрожающе, танец так ускорился, что перед глазами все слилось. Баюлис ничего не соображал. Только громко кричал не понятную для него песню и танцевал в бешеном ритме. Вдруг он заметил, как из костра и всех находящихся на вершине горы в небо ударили еле видимые светлые лучи. Поднявшись на определенную высоту, лучи слились в один мощный столб света, пронзивший небо до самых звезд. Картинки с насилием над девушками на экранах задрожали, словно кто-то посторонний повредил антенну телевизора, начали «снежить» и наконец исчезли. На всех экранах показалось голубое небо с мягко плывущими по нему облаками, похожими на детские игрушки: лошадки, рыбки, бабочки и другие. Постепенно видение начало пропадать и совсем исчезло. Баюлис парил над долиной и окружавшими ее горами, звездное небо приблизилось так, что протяни руку – и достанешь до звезд. Посмотрев вниз, Янис Людвигович увидел на вершине горы каменный крест с догорающим костром в середине и лежащих вокруг него в разных позах неподвижных людей. В одном из них он узнал себя. Он спал. На лице была улыбка. Улыбка уставшего человека, сделавшего доброе, но тяжелое дело.

Его тронули за плечо, и Янис Людвигович проснулся. Было довольно прохладно. Солнце начинало подниматься из-за гор. Один из жрецов дал Баюлису выпить из тыквенной фляги. Там оказалась чича. Ему накинули на плечи одеяло в виде пончо, сунули в руки несколько листьев коки, и они двинулись в обратный путь, в долину, по очереди неся спящих на носилках девушек.

Как оказалось, жрецы отсутствовали двое суток. Хотя Баюлису показалось, что весь обряд занял не более часа. Придя в город, все сытно поели и завалились спать. Потеря энергии во время обряда давала о себе знать. Девушек, до сих пор находящихся без сознания, поме-

стили в отдельный дом под присмотром жен местных жрецов. Как ни пытался Дулевич хоть немного побыть рядом с Ритой, но женщины прогнали его.

На следующее утро обе девушки проснулись и попросили поесть. Они чувствовали себя гораздо лучше. Правда, ни одна из них не могла понять, как они здесь очутились и что с ними произошло. Последним, что обе помнили, был вечер прибытия отряда в форт возле водопада, перед отправкой на помощь союзникам. Обряд жрецов полностью стер в их памяти последние несколько дней.

Отобрав среди гуаро пять сотен воинов и вооружив их, в рейд на их земли пошли также семь сотен уаминка и пять сотен уанка. Среди виракочей повоевать в джунглях вызвались почти все. Остались охранять Уанка-канча только эскадрон Новицкого и раненые, возглавляемые Антоненко, с двумя пулеметами. Кавалерии в джунглях делать нечего, а раненым необходим отдых; там и без них справятся.

Для предстоящего сбора нефти каждый воин и боец нес с собой по паре переплетенных лианами глиняных горшков с крышками. Кроме того, Климович уговорил вождя уанка выделить несколько десятков больших кувшинов, которые несла на носилках сотня воинов.

Командир полка надеялся, что у гуаро все-таки имелась привязанность к своим семьям, оставленным в заложниках на этом берегу, и они не рискнут бросить их на произвол судьбы.

Возглавлял гуаро чудом оставшийся в живых шаман Кхуко. Он принадлежал к одному из родов, на чьих землях как раз и выходила на поверхность земли нефть. А переговорщиком его послали потому, что хорошо знал язык уанка. Скрывая эти знания, шаман надеялся услышать то, что не предназначалось для ушей парламентаров. Выдал он себя случайно, когда решался вопрос, что делать с семьями гуаро. Как оказалось, ему не чужда была любовь к своим детям и женам. Кхуко обещал показать, где расположились враги, и отвести к местам с нефтью.

Рейд за Большую реку выдался удачным.

Переправлялись на другой берег уже испытанным гуаро способом, построив из их лодок плавучий мост. Пока основная масса воинов переходила через реку, разведчики-гуаро выяснили, что происходит на их земле, захватив нескольких пленных. Прогнавшие гуаро дикари рассорились, и сейчас между ними идет кровопролитная война. Один из пленных дал ценную информацию, указав место, где завтра состоится главная битва между враждующими племенами. Ведомые проводниками-гуаро союзники заняли позиции вокруг этого места. Это была небольшая долина возле селения одного из племен захватчиков, окруженная заросшими лесом холмами. На них и расположились в засаде, разделившись на несколько отрядов и выставив охранение. Утром путешественников во времени разбудили дикие крики враждующих племен, яростно атакующих друг друга. Когда они перемешались в рукопашной схватке, Григоров открыл огонь из минометов. Понадобилось всего с десятков мин, чтобы мужественных воинов превратить в стадо перепуганных двуногих животных, разбегающихся кто куда, спасая свои ничемные жизни. Но всюду они наткнулись на засады союзников, безжалостно уничтожавших бегущих. В ходе этой бойни была перебита большая часть захватчиков, а оставшиеся в живых попали в плен. В течение нескольких дней гуаро с помощью уаминка и уанка зачищали свою территорию от врагов, вырезая всех чужих под корень.

Попаданцы не стали в этом участвовать, а вместе с шаманом Кхуко и двумя сотнями воинов-уаминка отправились на поиски нефти. К их огромной радости, небольшое нефтяное озерцо оказалось недалеко от Большой реки, вниз по ее течению. Как пояснил шаман, таких озер на своей земле он знает несколько. В землях чужих племен также существуют подобные выходы нефти на поверхность. Наполнив все имеющиеся сосуды, в обратную дорогу решили идти вдоль берега. Поскольку от границ уанка к месту выхода на берег у нефтяного озера река была более-менее спокойной (что позволяло плыть на лодках как по течению, так и против него, поднимаясь вверх к истокам), сразу же родился дерзкий план. На берегу решили построить форт-базу с мини-заводиком по переработке нефти на бензин и другие нефтепродукты.

Благо для этого имелись все условия. Река и нефть рядом, густой лес кругом, да и пологий берег реки располагал к строительству удобного причала. С помощью плотов или больших лодок собирались на веслах подниматься вверх по реке к своим землям. По договоренности с Кхуко, теперь уже вождем и одновременно единственным шаманом всех гуаро, с которыми был заключен вечный мир, последний обязался осуществлять поставку нефти в неограниченном количестве прямо в будущий форт. В ответ союзники обещали помогать защищать его земли от нападения соседей и в тяжелые для племени времена поставлять продукты. Строить форт решили начать после окончания сезона дождей и определения уровня поднятия воды в реке.

Путь от места будущего форта, названного Нефтегорском, к переправе на земли уанка занял три дня. Продираясь сквозь густые заросли, многие пожалели, что нет под рукой хорошего тесака для рубки растений. Уставшие, но довольные удачным рейдом, попаданцы вернулись в Уанка-канча вместе с союзниками, решив немного отдохнуть.

Глава 5

Пока другие попаданцы осуществляли рейд по землям гуаро, оставшиеся в Уанка-канча новороссы не проводили время в праздности, ничего не делая, а познавали и помогали налаживать спокойную жизнь местному населению, как могли.

Похоронив с почестями невдалеке от общего кладбища уанка своего бойца, убитого дикарями, казаки Новицкого принялись помогать местным жителям восстанавливать посевы на полях сражений вблизи города.

После сбора отстрелянных гильз и осколков от мин с полей, оставшиеся мужчины-уанка с помощью палки-копалки такля – толстого шеста длиной около двух метров с обожженным концом и упором для ноги, – встав в несколько рядов и пятясь, вскапывали землю. За ними шли женщины, которые при помощи своеобразной каменной мотыги разбивали комья земли и бросали в образовавшиеся ямки зерна кукурузы или картошку. Это забирало много времени и труда. Недолго думая казаки, как бывшие землепашцы, соорудили пару тяжелых деревянных плугов и на своих лошадях вспахали все поля. Это заняло всего несколько дней. Хотя, как пояснили местные, на посев у них уходило гораздо больше времени. В качестве удобрений уанка использовали навоз лам.

– Если бы сюда железный колесный плуг, то мы бы за пару дней управились! – сетовали новороссы.

Благодаря совместной работе некоторые из них сошлись с молодыми девушками-уанка и решили остаться. Родители невест не возражали. Еще бы! Сыны богов помогли им в борьбе с дикарями, а теперь с помощью своих чудесных животных всего за несколько дней вспахали и засеяли все поля, которые прокормят весь город! Тем более что каждый из женихов был настоящим воином и имел при себе несметные для здешней жизни богатства!

Ротмистр Новицкий тоже не терял время зря. Он отобрал из местных три десятка юношей, полюбивших невиданных ими ранее лошадей, и начал готовить из них будущих кавалеристов. В этом ему помогали Левченко, Осадчий и другие опытные казаки. Одновременно с ними совершенствовали свое мастерство и молодые бойцы-новороссы.

Макс, воодушевленный признанием в любви к нему Оксаны, при любой возможности старался побыть рядом с ней. Даже смог с согласия отца познакомить ее и Тани. Теперь, на удивление обоим Антоненко, и старшего и младшего, девушки, сблизившиеся еще при оказании помощи раненым, постоянно щебетали между собой, не обращая внимания на своих мужчин.

Николаю из разговоров с вождями, жрецами и Тани удалось узнать, что здесь существует место, где местные племена производят между собой обмен имеющихся у них излишков продукции. Попросту говоря, недалеко находился рынок, или местный базар, где несколько раз в году проходила своеобразная ярмарка товаров. Даже во времена войн туда стекались товары из различных районов империи инков, и не только. И никто из соседей не смел напасть на это место. Это была нейтральная зона, статус которой поддерживали все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.